



Наталья Баклина

Бланманже для мужа

Про любовь и обстоятельства

Наталья Баклина

Бланманже для мужа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25287572

Аннотация

Наткнулся на пороге своей квартиры на бывшего любовника с проломленной головой – та ещё ситуация! Милиция подозревает в содеянном Нинэль, а сама она не знает, что и думать. Какие-то люди требуют от неё каких-то денег. Лучшая подруга Файка пропала и не отвечает на звонки. Мама чудит, дочь-подросток бунтует, коллеги посматривают скептически. Да ещё этот новый знакомый со смешным именем Никодим и такой же, как у неё дурацкой фамилией...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1.	5
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	56
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

История о любви в детективных обстоятельствах.

Все лица и события, описанные в романе, вымышлены, совпадения случайны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НИНЭЛЬ.

Глава 1.

Лампочка между этажами опять не горела. «Руки бы по-выдергать этому остолопу!» сердилась Нэль, пробираясь по лестнице почти на ощупь. Теперь её каблуки не стучали барабанной дробью – металлические набойки штука долговечная, но по бетонному полу подъезда, да в полночь, звучат, оказывается, очень звонко, – а издавали осторожные деликатные постукивания. «Остолопа» Нэль практически идентифицировала – патлатый юнец с четвёртого этажа. Он в компании ещё нескольких таких же лохматых-прыщавых приятелей систематически дул пиво на площадке между пролётами и, вряд ли по совпадению, делал это в полумраке, явно выкручивая лампы на четвёртом этаже.

К слову, если не считать любовь к сумраку, вела себя пивная компания вполне пристойно. Материлась вполголоса, при появлении Нэль замолкала и вежливо здоровалась хриплыми неустановившимися голосами. Однако сегодня – «Да чтоб вас, паразитов!», сшибла Нэль пустую бутылку, и та весело загремела по бетонным ступеням – мальчишкам,

видимо, понадобилась тотальная светомаскировка. И она им удалась: света на лестнице не было совсем. Ночь выдалась безлунной, фонарь у подъезда не горел уже третий день, на площадку между пролётами свет с третьего этажа уже не долетал. И теперь, по милости этих любителей потёмок, женщина пробиралась на свой последний пятый этаж, нащупывая ступени ногой и держась за холодную стенку.

Нэль отсчитывала ступени – восемь, девять, десять – и нашаривала свободной рукой ключи в кармане. Вот когда послужит брелок-фонарик! Симпатичная голубая трубочка толщиной с карандаш и длиной с мизинец при сдавливании выдавала вполне приличный узкий лучик света. Такие брелки со светодиодами она заказала на сувениры к выставке. Один оставила себе, и теперь он пригодился. Хотя бы не придётся шарить по двери в поисках замочной скважины.

Нэль нажала на фонарик и посветила вниз, – лестница закончилась, она стояла на своей площадке, – перевела лучик в направлении двери и пошла к вишнёвому дерматиновому кружочку размером с двухрублёвую монету, стараясь не налететь впотьмах на чердачную лестницу. Лестница, железная конструкция из труб и уголков, притаилась где-то слева, возле перил площадки, практически перед входом в её квартиру. Женщина взяла чуть правее, на ходу нашла лучиком щель замочной скважины и перестала давить на брелок, точно запомнив, куда нужно вставлять ключ. Сделала ещё шаг и наступила носком туфли на что-то мягкое.

«Что тут ещё такое? Тряпок, что ли, каких накидали?» — она брезгливо убирала ногу и посветила брелоком-фонариком. Узкий луч осветил чью-то раскрытую ладонь. Нэль автоматически повела лучом дальше — запястье, предплечье, край короткого рукава, воротник, ухо — и почувствовала, как пальцы и мышцы свело судорогой.

Её рука судорожно сжимала брелок, и тот послушно светил, отправляя луч в лицо Стасу. Стас сидел, привалившись к простенку между ограждением площадки и дверью квартиры. Свет Стасу совсем не мешал. Ему теперь ничего не мешало — лицо его было спокойным и безмятежным. Почти таким, как после их совместных занятий любовью. И даже тёмная струйка, перечертившая лоб и сбегавшая к подбородку, не портила этой безмятежности. И странный запах, который Нэль вдруг ощутила, одновременно и горький, и сладковатый, не вызывал на ровном лице Стаса никаких гримас. Да и какие могут быть гримасы у покойника?

Нэль попятилась обратно к лестнице, пальцы её дёрнулись, роняя ключи на бетонный пол, и она, будто очнувшись из-за полной темноты и металлического бряка, развернулась, нащарила в темноте перила и понеслась вниз, к свету.

Четырьмя месяцами раньше

— Ну, что заказывать будем? Выбирай, я угощаю! — Файка щедро повела рукой над пустым пока столом и похлопала по тисненой кожаной папочке меню.

– Ну, я не знаю... – неуверенно протянула Нэль, рассматривая крупно набранные строчки и внутренне ахая от столбика цен. Тирамису – двести пятьдесят рублей! Штрудель с яблоком – триста двадцать! Чашечка эспрессо – девяносто!! Чайничек чая – сто восемьдесят!!!

– Дорого тут у них.

– Ничего не дорого, я теперь женщина зажиточная, аванс за книгу получила, могу себе позволить, – отмахнулась Файка и поманила официанта, поняв, что пора брать инициативу в свои руки. – Значит, так. Чайник чая с жасмином и каких-нибудь десертов позаквыристее. Что там у вас есть?

– Тирамису, бланманже с тёртым шоколадом, профитроли со взбитыми сливками, эклеры с клубнично-творожным кремом, – послушно начал перечислять парень, с весёлым изумлением разглядывая подруг. «Ну, дают тётки! Шикуют!» – читала Нэль на его лице. В это кафе подруги зашли, спасаясь от надвигавшегося ливня, называлось оно «Пралине» и, судя по остальной публике, было облюбовано молодёжью. Нэль бросила быстрый взгляд на соседний столик, за которым сидели три вызывающе красивые девицы, и уткнулась в меню, пытаясь понять, сколько стоит озвученное официантом великолепие.

– Ну, ты решила, что берёшь? Бланманже или профитроли? – опять затормошила её Файка, и Нэль решилась:

– Эклер возьму. И хватит.

– А мне всё остальное, что назвал, – распорядилась Файка.

И когда официант ушёл, объяснила: – Посмотрю хоть, что за звери такие, эти профитроли с тирамисами.

Нэль тоже было очень интересно, что это за «звери». Дождаясь официанта и потихоньку осваиваясь в непривычном месте, она стала осматриваться. В ресторане (или в кафе, она до конца не понимала между ними разницы) Нэль была, дай бог памяти, в четвёртый раз в жизни. Это если считать банкет по поводу её диссертации и торжество трёхлетней давности по случаю юбилея директора лицея, где она тогда преподавала философию. А если не считать, то – во второй. Когда-то, лет так тринадцать назад, её в ресторан сводил Олег, а теперь вот Файка гуляет по случаю удачного дебюта, выхода первой книги и неожиданно больших гонораров.

Кафе было очень необычным. Кривые столы с блестящими металлическими столешницами изгибались такими загогулинами, что подруги сидели каждая в своей впадине слегка наискосок друг от друга. Стулья с высокими трубчатыми спинками и круглыми, мягкими, обтянутыми светло-коричневым, сиденьями, такими крошечными, что даже Нэль с трудом уселась, а Файкин зад пятьдесят второго размера уместился ровно наполовину. На столах стояли узкие вазочки-трубочки, в каждую вставлен стебель с жёлто-белым цветком нарцисса. Глухая стена была зеркальной, отчего небольшой зал казался вдвое просторней. Огромное окно-витрина ничем не загорожено – фестоны поверху и драпировки по бокам лишь украшают проём, придавая виду на

проспект за окном некую театральность. Будто там – сцена, они – зрители, а июньский ливень за стеклом – постановка на тему лета. Нэль проводила взглядом промокшего толстяка – тот на несколько секунд попал в раму окна, убегая от ливня. Голову толстяк прикрывал красно-жёлтым пакетом, придерживая его рукой. Красные ручки пакета свисали мужчине на спину, туда же сбегала стекавшая по пакету влага: прилипшая к телу рубашка и обвисшие на заду джинсы явно до предела пропитались водой. Да, повезло им с Файкой, успели под крышу до ливня.

– Вот, пожалуйста! – сказал над ухом официант, и Нэль очнулась от мыслей. На столе уже стояли три блюда: возле неё – с продолговатым эклером с дырочкой на боку, сквозь которую выглядывало розоватое содержимое. Возле Файкиной загогулины официант выстроил в ряд тарелочку с желтоватым брикетиком, сверху разрисованным коричневыми полосками, и две прозрачные вазочки: с чем-то вроде заварного крема, посыпанного шоколадной крошкой и золотистыми шариками из теста, утопленными в белой пене.

– Приятного аппетита! – пожелал официант, разлил чай по белым чашкам и исчез.

– Слушай, а ты всё это съешь? – засомневалась Нэль, разглядывая вполне солидные порции десертов.

– Не съем, так понадкусая, – оптимистично пообещала Файка и задумалась. – Как ты думаешь, кто из них кто?

– Да какая разница? Лишь бы вкусно было, – философски

заметила Нэль, разворачивая салфетку с приборами и рассматривая чудную вилочку с широкими зубцами. И ножик есть. Наверное, чтобы эклер разрезать.

– Разница большая! Я, думаешь, просто так всей этой фигни назаказывала? А вот и нет. Я теперь у нас кто? Писатель. И теперь я что делаю? Изучаю жизнь. А как мне её изучать, если я не пойму, где тут профитроли, а где блеманже?

– Бланманже. Давай у официанта спросим, – предложила Нэль и отрезала кусочек от эклера. Тесто было свежайшим, творожно-клубничная начинка – нежнейшей.

– Нет, сама угадаю. Я загадала – если не ошибусь, у меня и со второй книжкой всё будет в лучшем виде. Итак, – Файка стала двигать по столу вазочки – полосатый кубик в тарелке – бланманже, шарики в пене – профитроли, каша эта с шоколадом – тирамису!

– А по-моему, наоборот. То, что шоколадом посыпано – бланманже, а пирожное – тирамису, – засомневалась Нэль.

– Да? Тогда давай спросим! Молодой человек, подойдите на минуточку! – поманила Файка официанта. А подманив, спросила:

– Кто тут у вас бланманже?

– Вот! – показал он на «кашу с шоколадом», и Файка вздохнула:

– Не угадала. Ладно, Нэлька, значит, твоё желание исполнится, раз угадала ты!

– А я и не загадывала ничего, – улыбнулась Нэль, наблю-

дая, как подруга придвинула к себе вазочку с профитролями и выуживает покрытые сливками шарики.

– Эклеры наизнанку! – подвела итог дегустации Файка, – пустые шарики из заварного теста, а крем – снаружи. Не загадывала, так загадай. Или, скажешь, нет у тебя желания? Хотя после того, как ты так удачно квартиру купила, что тебе ещё желать!

– Много чего! – махнула своей вилочкой Нэль, – думаешь, с квартирой решились все проблемы? Их куча, просто кучища! Знаешь, сколько денег на обустройство надо?

– Догадываюсь, – кивнула Файка и отправила в рот порцию бланманже. – Манная каша на желатине! Это я про десерт. Так, значит, загадываем желание, чтобы ты нашла хорошую работу?

– А я и так уже нашла!

Нэль нырнула вилочкой в вазочку с бланманже и осторожно попробовала. Молоко, манка, ваниль и желатин. Да, звучит классно, а на вкус – ничего особенного.

– И молчишь! – отвлеклась Файка от тирамису, которое осматривала, выбирая, откуда начинать.

– Да не молчу я, просто говорить раньше времени не хотела. На удачу позвонила по объявлению в газете, сходила на собеседование. Встретили два мужичка-начальника, вполне вменяемые. Сказали, что проверят мою кандидатуру с точки зрения безопасности. Проверили, позвонили, завтра на работу выхожу.

– То есть, мужички сначала ошизели от твоего имени, а потом поняли, что ты женщина неопасная, – резюмировала Файка, отламывая уголок от тирамису. – Слушай, а вот эта штука мне нравится!

Нэль тоже попробовала кусочек пирожного – в меру сладкое, нежное, пахнет творогом и карамелью.

– По-моему, творожный привкус! Или мне после эклера так кажется?

– Нет, творог тут явно есть, – согласилась Файка. – Так что за работа и что за фирма?

– Фирма «Эверест», они автокосметикой торгуют, оптом. Знаешь, так удачно с ними получилось! Офис у них в Кунцево, от метро далековато, из Москвы очень неудобно ехать. А мне, из моего Одинцова – в самый раз. В общем, я теперь менеджер по рекламе. Буду календари всякие заказывать, буклеты фирменные, сувениры, сайтом заниматься, публикациями в прессе.

– Понятно, по моим стопам пошла, – кивнула Файка и показала на оставшуюся половинку тирамису. – Будешь?

– Нет, не хочу, мне эклера хватит, – отказалась Нэль.

– Тогда доем, – решила Файка и отправила в рот кусок пирожного. – И как ты с этим справляться думаешь? Ты же рекламой никогда не занималась!

– Не занималась, так займусь. Писать умею, с типографиями договариваться умею, наострилась в лицейском альма-нахе. Так что пресса и сайт – не проблема. А с сувениркой

ты поможешь. Ведь поможешь?

– Куда я от тебя денусь! Надо же пособить подруге. Хотя ты и авантюристка!

– Кто бы говорил! – засмеялась Нэль. – Сама на что рассчитывала, когда книжку свою написала и в издательство отправила?

– На то, что получится!

– Ну вот, получилось же! А если из креативного директора получилась писательница, почему из философа не может получиться менеджер по рекламе?

– Может, – согласилась Файка. – И сколько тебе платить обещали?

– Пока тридцатник, а там видно будет.

– Здорово! Тебе, с твоими расходами, очень кстати. На новоселье-то когда пригласишь?

– А вот в выходные мастер придёт, шкафчики на кухне соберёт, на следующей неделе и позову.

Файка, получив все ответы и задав все вопросы, затихла, занявшись профитролями. Над столом повисла необременительная пауза. Нэль тоже молчала, отпивая чай и поглядывая на красоток за соседним столиком. Интересно, кто они такие? Девчонки были ярко, вызывающе, агрессивно красивы. Особенно одна из них: брюнетка с иссиня-чёрными волосами, заплетёнными в две толстые косички. У брюнетки были пухлые, чётко очерченные губы, в которые она очень изящно вставляла тонкую белую сигаретку, эффектно зажатую узки-

ми пальцами с длинными вишнёвыми ногтями. Её подруга, блондинка с копной волнистых волос, что-то сказала вполголоса, и брюнетка засмеялась, откидываясь на спинку стула и слегка выпячивая высокую грудь. Между ключиц, в низком вырезе рубахи, поблёскивало плоское кольцо на широком чёрном шнурке. Девчонки вели себя так, будто они – на витрине. Или на сцене. И явно работали на зрителей-мужчин.

– Знаешь, по-моему, я готова впустить в свою жизнь мужчину, – неожиданно для себя самой сказала Нэль.

– То есть? – перестала жевать Файка. – Ты влюбилась, что ли, в кого?

– Нет, не в этом смысле. Ты ведь знаешь, я никогда не хотела быть замужем. Даже за Олегом, даже когда Ваську родила. А теперь что-то так устала тащить всё на себе – маму, дочку, квартиру, проблемы эти с деньгами бесконечные... И как-то вдруг подумалось, что я готова впустить в свою жизнь мужчину. Чтобы вместе всё делать, чтобы поддержка мне была!

– Ты извини, конечно, но фигня всё это! – Файка поковырялась в вазочке с бланманже и отставила её в сторону. – Ни один мужик не решит твоих проблем. А если и решит какие, взамен таких насыёт – караул! Уж поверь моему опыту.

– Думаешь? – озаботилась Нэль.

Опыт у Файки был богатый – она со времён своей жизни в Волгограде трёх мужей сменила. С первым, отцом её дочери,

Файка прожила одиннадцать лет. А потом как-то услышала, как её муж договаривается по телефону о свидании с её, на тот момент – лучшей, подругой. Услышала она это случайно. В квартире было два параллельных аппарата. Муж разговаривал по телефону из кабинета, уверенный, что жена нежится в ванной. А Файка как раз выбралась из ванны, вспомнив, что ей нужно срочно позвонить. Вот и подняла трубочку, а там – голоса. Она послушала три минуты, убедилась, что у этих двоих давно всё сладилось, и подала на развод.

Развод был тяжёлым, с судами и разменом трёхкомнатной квартиры. В итоге Файка осталась с двенадцатилетней дочкой в однокомнатной квартире. Со вторым мужем, журналистом-сослуживцем, она прожила три года и рассталась, измучившись от комплекса неполноценности, который он ей старательно прививал. Не дотягивала Файка до каких-то там его идеалов – полновата, низковата, простовата, глуповата. Одновременно с этим мужем Файка рассталась и с Волгоградом – сдала волгоградскую квартиру и переехала в Москву, решив, что здесь сможет заработать и на жизнь, и на учёбу дочери, поступившую в полиграфический колледж, и на новую квартиру.

Тогда-то они с Нэль и познакомились – обе пришли в странненький журнальчик, который писал про директоров. Файка, в Волгограде привыкшая чувствовать себя маститым журналистом – для областной газеты писала, как-никак, – прибилась сюда после месяца метаний по столице в поисках

работы. То ли не там она искала, то ли не так, но после того, как два журнала не заплатили ей гонорары, а накопления основательно подтаяли, растворяясь в ненасытной столичной утробе, она снизила планку запросов и согласилась на вакансию «корреспондент-менеджер». Нэль, успевшая и лекции в техникуме почитать, и книгами на развалах поторговать, к тому времени решила сменить специальность и решила, что «корреспондент-менеджер» – то, что надо. Оказалось, что корреспондентство их весьма условное, а работа заключается в следующем: нужно ходить на встречи с директорами фирм и фирмочек, писать про них статьи и уговаривать заплатить деньги за публикацию в малоизвестном журнале.

Корреспондентами-менеджерами в этот журнал брали всех желающих, писали эти желающие, на Файкин взгляд, отвратительно. Позднее она призналась Нэль, что для неё оставалось загадкой, почему некоторые директора соглашались платить деньги за такую муть. Сама она писала гораздо лучше многих. Да что там – замечательно она писала! Но её директора соглашались платить очень редко. И потому получала она мало. А директора Нэль – платили. Причём не за какие-то жалкие полстраницы – обложки покупали, статьи на два разворота. Поэтому-то Файка и обратила внимание на Нэль. Очень хотела узнать, чем берёт их эта тощая, с короткой стрижкой, похожая на подростка особа с нелепым именем Нинель Васильевна.

Впрочем, у самой Файки имечко было тоже вполне эк-

зотичное: Фаина Ефимовна. Третий Файкин муж, Катков, только из-за имени её и выделил в черед бесконечных звонков от желающих получить от их фирмы какие-нибудь деньги. Этот муж работал пиар-директором в электротехнической компании, с ним Файка и вела переговоры об интервью. И была уверена, что на этот раз всё сложится удачно. Однако сложилось всё неожиданно. То ли Катков директору плохо объяснил, то ли директор Каткова плохо понял, но настроился он на бесплатный разговор о своих предпринимательских талантах. И когда по ходу разговора до него дошло, что Файка ждёт от него денег, с директором случился припадок буйства. Файку директор назвал вымогательницей, Каткова пригрозил уволить за пособничество и долго орал, что это ему ещё её паршивый журналчик должен заплатить за то, что он до него снизошёл. Катков, видимо привычный к таким сценам, быстренько уволок полуживую от стресса журналистку в кафе, где устроил реанимацию кофе и мороженым. По ходу он расспросил Файку о житье-бытье, выпросил телефончик и пообещал помочь с нормальной работой. Катков был в разводе, жил один. У них начался роман, и через пару недель он пристроил Файку менеджером по рекламе в небольшое агентство. А ещё через неделю позвал к себе жить. Только она, мол, способна залечить душевные раны, нанесённые бросившей его женой.

Как мужчина Катков Файке не очень нравился, но жизнь с ним обещала войти в нормальную колею, с приличной рабо-

той и квартирой, за которую не надо было отдавать две трети (а то и три четверти, как с доходами повезёт) зарплаты. Катков дал Файке ощущение стабильности. Именно так она себя уговаривала, когда ложилась с ним в постель. («Ни разу, ни разу с ним оргазма не было, представляешь?» – делилась она с Нэль, и та кивала, хотя не представляла. Лично у неё секс был в течение трёх месяцев почти тринадцать лет назад. С Олегом. Для того, чтобы забеременеть Васькой, хватило. Для оргазмов – нет.) Про стабильность она твердила и дочери, которую Катков вдруг взялся поучать уму-разуму. А та в ответ хамила и жаловалась матери. («Они меня просто разрывают пополам, будто поделить не могут!» – сетовала Файка, и Нэль сочувствовала, отчаянно скучая по Ваське, которая в то время жила с бабушкой в Ярославле).

Об ощущении стабильности Файка напоминала и себе, спотыкаясь о носки и газеты Каткова, разбросанные по всей квартире «Я не какая-нибудь чистюля, у самой вещи не на месте. Но чтобы ТАК захламлять квартиру! Я специально неделю газеты не трогала – куча выросла в высоту дивана, а ему хоть бы хны», – удивлялась она. А Нэль в тоске вспоминала штабеля книг и коробок в углу своей комнаты. Она её очень удачно сняла, грех жаловаться, но как же ей хотелось свою квартиру!

Свою квартиру в Москве ей хотелось купить так сильно, что Нэль даже решилась поколдовать немножко. Вырезала из журнала рекламу новостройки – «Новая, уютная, твоя» –

положила картинку с девизом в конвертик и туда же стала денежки от гонораров в журнальчике складывать. Общаться с директорами у неё получалось – по несколько часов с ними о смысле жизни беседовала, вспоминала и Канта, и Гегеля, и, видимо, производила такое впечатление, что директора раскупали интервью, как горячие пирожки. Проценты журнальчик платил хорошие, конвертик с деньгами толстел, и года через полтора у Нэль появился шанс купить квартиру в Подмосковье. Она как раз делала интервью с директором строительной компании, те как раз начинали строительство дома в Одинцово, вот они и договорились. Накоплений из конвертика ей хватило на первый взнос, денег от продажи Ярославской квартиры – на второй и третий. Последние пять тысяч долларов Нэль одолжила, где смогла, и всего через восемь месяцев маяты с мамой и Васькой в съёмной «однушке» она получила квартиру. Новую, свою. На уют так же понадобилась уйма денег – Нэль купила, по сути, голые стены. Стелили линолеум, клеили обои и мазали потолок они сами, Нэль, мама и Васька. Заплатили только за сантехнику и выключатели-розетки. И всё равно даже на такой ремонт её заработков не хватало катастрофически.

Из журнальчика Нэль к тому времени уже полгода как ушла. Во-первых, надоело убеждать директоров платить деньги. Во-вторых, недавно ещё лояльное начальство, вдруг воодушевлённое расцветом издания, принялось закручивать гайки. Нэль не любила, когда ей их закручивали, поэтому и

ушла. Устроилась в очень приличный гуманитарный лицей редактором местного альманаха и попала из огня да в полымя. Директор лицея – известная, заслуженная, знаменитая и т.д. и т.п. – оказалась настолько авторитарной дамой, что в два счёта скрутила Нэль в бараний рог. В такой позиции Нэль выдержала шесть месяцев (А что делать, квартира денег требует. И жить на что-то надо, и маму с дочкой кормить.) А потом как-то утром вдруг проснулась, представила, как ходит таким «бараньим рогом» всю оставшуюся жизнь и написала заявление «по собственному». И расслабилась. И стала потихоньку перевозить вещи в новую квартиру. Между делом купила газету с вакансиями, и новая работа нашлась сама собой. Вот если бы всё в жизни так делалось, само собой!

– Всё равно, хочу, чтобы рядом со мной появился мужчина! И чтобы мы с ним помогали друг другу в наших делах! – подвела Нэль итог своим мыслям, и Файка согласилась.

– Значит, такое твоё желание? Да будет так!

– Что-нибудь ещё желаете? – подскочил к столику официант.

– Хватит на сегодня желаний! – отмахнулась Файка – счёт несите! Может, Ваське твоей взять пару пирожных?

– Ты что, не надо! На эти деньги целый торт можно купить! – ужаснулась Нэль, и Файка согласилась.

– Пойдём, купим.

– Фай, хватит уже деньги тратить на всякие излишества!

– Это не излишества, это пир духа! Ладно, всё равно торт Каткову куплю, пусть трескает. А ты прекращай уже копейки считать, на работу выходишь, новая жизнь начинается.

Официант принёс счёт, Файка завозилась с деньгами, а Нэль стала смотреть в окно, где ливень уже сменился мелким дождичком, а из-за крыш домов напротив показался краешек чистого неба.

Глава 2

Здесь и сейчас

Металл набоек на каблуках грохотал по ступенькам так, что Нэль чудилось – искры летят и бетон крошится. Но она не отвлекалась на эти мелочи – неслась к свету. На площадке между четвёртым и третьим этажом было уже довольно светло – того, что долетало снизу, хватало, чтобы видеть и перила, и ступеньки и чьи-то растоптанные сапоги, зачем-то валявшиеся под тёмным ночным окном. Но Нэль этого было мало: безмятежное лицо Стаса с кровавой дорожкой между бровей стояло перед глазами так явно, что, думалось ей, только самый яркий свет сможет стереть эту картину. И она строчила свою пулемётную очередь каблуками по ступеням, пока на последней ступеньке, уже ворвавшись в царство света на площадке третьего этажа, не оступилась, потеряв равновесие. Пытаясь не упасть, Нэль вытянула вперёд руки, сделала несколько быстрых шажков на цыпочках и, не успев погасить разгон, шмякнулась обеими ладонями о металлическую дверь квартиры прямо по курсу. И замерла в испуге.

В квартире жила достопримечательность этого подъезда, Дарья Никодимовна. Старушка была очень древней, очень вредной и очень энергичной. В первый же месяц, как Нэль сняла здесь квартиру, Дарья Никодимовна несколько раз приоткрывала дверь, наблюдая за женщиной, когда та про-

ходила мимо, а потом наслала на неё участкового с проверкой документов. Он, румяный парень простецкого вида, так и сказал, когда покрутил её бумаги и убедился, что с регистрацией всё в порядке: «От вашей соседки с третьего этажа сигнал был, что чужие в подъезде живут. Вдруг, говорит, террористы». «А я что, похожа?» – изумилась тогда Нэль, а участковый ещё сильнее разбурялся и неопределённо ответил «Они на кого угодно могут быть похожи».

Нэль слушала, как замирает под ладонями гудение стали, и молилась всем богам, чтобы старушка спала крепче и ничего не слышала. Объяснений со старой шпионкой ей только сейчас и не хватало! Видимо, не хватало: за дверь защёлкали отпираемые замки и Нэль, поняв, что всё ещё прижимается ладонями к крашеному коричневой краской полотну, отшатнулась. И вовремя – дверь распахнулась. Однако вместо маленькой сухонькой бабуся в проёме стоял высоченный – почти под притолоку – небритый мужик с черным ёжиком волос и припухшими глазами.

– Здравсьте, вам кого? – беззлобно поинтересовался мужик, рассматривая Нэль с вежливым интересом.

– Простите, я нечаянно в вашу дверь стукнула, я оступилась, – ответила Нэль и оглянулась на следующий лестничный пролёт, решая, будет ли вежливо идти дальше, или надо продолжать беседу, раз уж вытащила человека среди ночи. Решила, что хватит с него беседы, шагнула к лестнице, и левая нога будто в яму провалилась. Она взглянула, в чём дело

– на левом сапоге отлетел каблук.

– Да что ж это такое! Каблук сломала! На новых сапогах!

– Не повезло, – посочувствовал мужик. – По-моему, у вас что-то ещё случилось, помимо каблука.

– Случилось, – кивнула Нэль. Сломанный каблук будто добавил пресловутую последнюю каплю, и она поняла, что силы её закончились. И что если сейчас же куда-нибудь не присесть, то она просто упадёт. Нэль села на ближайшую бетонную ступеньку, привалилась к стене и сказала, преодолевая слабость и темноту в глазах:

– Я обронила ключи на площадке. А ещё там, возле моей квартиры, сидит труп.

За три месяца до этого

– Нинель, значит, мы договорились. Ты составляешь бюджет по позициям, и мы вместе потом решаем, что берём, а от чего отказываемся, – Герман пожал ей руку и пошёл дальше по коридору.

«Нет, как всё-таки здорово, что здесь все обходятся без лишних церемоний и говорят друг другу «ты». Хотя несколько непривычно после лицейских выканий по имени-отчеству», подумала Нэль, толкая дверь в свой кабинет, в отдел маркетинга.

– Да они оху...! Ох, как они неправы! – трансформировал начатый матерок Стас, увидев её в дверях. Нэль улыбнулась краешками губ и села за свой стол.

Кажется, судьба обрадовалась, что она разрешила впустить в свою жизнь мужчину, и несколько перестаралась. Теперь она каждый рабочий день проводит в окружении мужиков. И в отделе с ней сидят три менеджера, Стас, Борис и Виктор, и владельцы фирмы, Герман с Иваном, почти каждый день обсуждают с ней рекламные дела. Герман с Иваном, похоже, ею довольны. Всё-таки, всего за месяц она им и по сайту многое сделала – теперь хотя бы тексты стали внятными и новости появились. И бесплатное интервью сумела организовать для автомобильного журнала. Так что владельцев компании её присутствие явно не напрягает. А соседей по кабинету?

Соседей, похоже, её присутствие тоже не сильно стесняло. Парни, не сбавляя тона, продолжали разговор. Нэль, не отрываясь от интернета, где искала предложения по промо-сувенирам, прислушалась. Так, понятно, Стас, устав от мужской коммуны – он вдвоём с какими-то приятелями снимал «однушку» на Можайском шоссе – подыскивает комнату. И «ох, как неправы» те, кто пытается её сдать за немислимые деньги.

– Нет, я шизею от этих москвичей! – возмущался он. – Такие суммы за паршивую комнату в паршивой коммуналке! Да ещё и агенту столько же! И залог! Они что, думают, я сын Рокфеллера, платить им штуку баксов за вселение?

– Если бы они так думали, они бы тебе квартиру предложили за пару тысяч баксов ежемесячно, – успокоил приятеля

ля Борис, – говорю же, поищи двушку с кем-нибудь напололам. Те же деньги получатся, зато хозяева не будут на мозги капать.

– А с кем напололам? Ты же от своей тётки не съезжаешь?

– Не, она меня пока терпит. Я же не просто так живу – денег даю на хозяйство, – объяснил Борис.

– Ну вот, некоторым везёт. У тебя тётка в Москве, у Витька – жена москвичка. Один я мотаюсь по углам неприкаянный, по ползарплаты этим шкуродёрам отдаю, будто в форточку выбрасываю!

– Зато вторая половина у тебя остаётся, – хмыкнул «жена-тый на москвичке» Витёк, и Нэль мысленно посочувствовала парню. Насколько она успела понять за месяц таких диалогов, жена Витьку досталась с характером и, судя по всему, забирала все деньги, попрекая мужа недостаточно большой зарплатой.

– Стас, а ты не думал купить себе квартиру? Где-нибудь в Подмосковье? – вмешалась Нэль в разговор.

– Думал. Осталось денег поднакопить. Тыщ так -дцать в убитых енотах.

– При чём тут еноты? – не поняла Нэль.

– Ну, у.е., убитые еноты, – пояснил Стас. – Смирные такие, только плохо копят.

– Ипотеку попробуй взять, – посоветовала Нэль.

– Ага, ползарплаты отдавать за комнату, треть – за кредит, плюс пожрать, плюс на бензин. У меня столько нет!

– А ты не отдавай за комнату. Купи квартиру, живи в ней, а за кредит будешь платить, как сейчас за комнату платишь. Я, например, всего по шесть тысяч за кредит вношу. Ты сколько уже здесь работаешь?

– Восемь месяцев.

– Тогда вполне можешь уговорить бухгалтерию, чтобы тебе для банка справку о зарплате написали.

– Что-то об этом я не думал... Надо посчитать! – озабочился Стас.

А Нэль вернулась к поисковику. На слово «футболки» интернет выдал ей кучу странных ссылок. Ну, и как ей понять, где искать футболки для продавцов и промоутеров?

Нэль открыла первую ссылку: «Эксклюзивные футболки с вашим портретом от шестисот рублей!» Если они портреты на футболках печатают, что им стоит логотип их компании нанести? Нэль прочитала текст на сайте и поняла, что им-то ничего не стоит, а компании влетит в копеечку. Сто футболок да по шестьсот рублей – дешевле вывешенный на сайте список цен не предусматривал – шестьдесят тысяч рублей получается. Кажется, дороговато. Надо у Файки спросить.

– Фай, привет! Слушай, шестьсот рублей за футболку, это дорого или нет? – спросила она, позвонив.

– Я точно не знаю, но, кажется дороговато. Мы же футболками не занимаемся, – задумалась подруга. – Слушай, у меня где-то была визитка одной дамы из промо-агентства, она должна знать! Давай, я поищу и перезвоню.

– Давай, жду, – согласилась Нэль и наудачу кликнула ещё по одной ссылке. Этот сайт предлагал трикотажи Иванковского производства: «футболки, майки, сорочки партиями от пяти сот штук».

– Нинель, у вас проблемы? – спросил Стас за её спиной, и Нэль вздрогнула от неожиданности. Нет, в том, чтобы расставить столы вплотную к стенкам есть, конечно же, свои преимущества: ни на что не отвлекаешься, места в комнате много. Но когда вот так подкрадываются и заглядывают в монитор!

– Вам Герман поручил сувенирку к юбилею заказать, да? – продолжал Стас, не заметив, что Нэль напряглась. – Хотите, дам телефоны агентства, где мы к прошлому Новому году ручки и ежедневники заказывали? По-моему, они ещё много чего делают. Хотите?

– Хочу, давай. И, пожалуйста, называй меня Нэль. А то от имени Нинель я себя старухой чувствую, – попросила Нэль и мысленно чертыхнулась. А кто она им в свои сорок лет, этим двадцатипятилетним мальчишкам? Старуха и есть!

– Вот, записывайте, Кислицын Вадим. Сошлётесь на меня, он вам всё обсчитает в лучшем виде! – Стас положил визитку возле руки Нэль, слегка задев её кончиками пальцев.

– Спасибо, – Нэль взяла визитку и проследила, чтобы голос её звучал ровно. От случайного прикосновения Стаса по руке побежали мурашки, а по позвоночнику, снизу вверх, – горячая волна, выплеснувшаяся румянцем на щеках. «Сла-

ва богу, что сиюю носом к стенке!» – подумала Нинель, всей спиной чувствуя присутствие Стаса.

– Хотя давайте, я вначале сам позвоню! – предложил тот, одной рукой касаясь плеча Нэль, а второй вытягивая визитку из её пальцев. Теперь мурашки бежали из двух точек, а горячая волна залила, кажется, не только щеки, но и лоб, шею, уши.

– Вадима Кислицына, пожалуйста! Вадим, привет, Это Стас Резвун, помнишь такого? Да нормально всё, всё путём. Слушай, теперь сувенирами не я занимаюсь, а новый наш директор по маркетингу, Нинель Васильевна. У неё вот тут для тебя заказик образовался, ты уж, будь другом, сделай всё в лучшем виде! Ну, само собой, на тех же условиях, что и в прошлый раз. Ага, двадцать процентов, лично для меня, именно так! Погоди минутку.

Стас сделал шаг в сторону, выйдя из-за спины Нэль, и сказал, прикрыв трубку ладонью:

– Они нам готовы двадцать процентов скидки дать, если заказ будет не меньше чем на пятьдесят тысяч рублей. Вы ему надиктуйте, что нам надо, пусть подсчитает.

Он передал трубку Нэль, и та, переведя дыхание (оказывается, пока Стас стоял за спиной, она и не дышала почти!), заговорила:

– Здравствуйте, Вадим. Мне нужны футболки, бейсболки по сто штук и кое-какие сувениры к юбилею компании. Что вы можете посоветовать?

– А какой суммой вы располагаете? – осторожно поинтересовался собеседник.

– А это зависит от того, что мы выберем. Моему начальству хочется чего-нибудь оригинального.

– Может быть, тогда вам лучше подъехать к нам в офис? У нас очень большой выбор сувениров, посмотрите, каталоги полистаете.

– А вы далеко?

– В центре, на Пятницкой.

– А, вот, вижу адрес на визитке. Хорошо, я заеду. До свидания, – положила Нэль трубку и посмотрела на Стаса, который сидел на углу её стола.

– К себе зовёт. Я, наверное, прямо сейчас к ним поеду.

– Слушайте, а давайте я вас отвезу! – оживился парень. – Мне всё равно в центр надо. Пойду, скажу Герману, что мы на выезде.

Он соскочил со стола и ушёл из кабинета, а Нэль принялась отключать компьютер и собирать сумку, пытаясь унять предвкушение совместной поездки. Уже закрывая за собой дверь кабинета, она услышала, что на её столе зазвонил телефон. Наверное, Файка нашла телефон промо-агентства. Нашла, и нашла. Возвращаться она не будет – примета плохая.

«Жигулёнок» Стаса шустро мчался по свободному в это время Кутузовскому проспекту. Июль, Москва полупустая, все, кто мог, за город подались. Час пик вечером будет, когда народ из офисов на дачи потянется, а сейчас, в три ча-

са, благодать – машина летит, как ласточка. Нэль смотрела на дорогу и едва её видела – млела от соседства со Стасом. Нет, с этим её состоянием нужно что-то делать! Нэль взглянула на сидящего рядом мужчину. Невысокий, явно чуть выше её метра семидесяти, коренастый, круглая голова, ранние залысины в светлых волосах, широкий, картошкой, нос. Ну совершенно не роковой мужчина!

Просто наваждение какое-то с этим Стасом! В конце концов, это смешно: сорокалетняя тётка втрескалась в двадцатипятилетнего пацана! И чего, спрашивается, её колбасит? («Колбасит» было любимым Васькиным словечком. Ваську колбасило от громкой музыки, от мультиков про «Футураму» и на школьных дискотеках. Нэль для себя это слово переводила так: «колбасит» означает «приводит в возбуждение»). Так от чего её колбасит? Что-то же в нём её цепляет? Может быть, взгляд серых, с лёгкой усмешкой, глаз? Или запах горьковатого, с хвойной ноткой, парфюма? Или его слегка заметная шепелявинка? То, как он по-особому произносит свистящие и шипящие звуки? Нэль перевела взгляд на руки Стаса, лежащие на руле. Короткие пальцы, покрытые загаром и светлыми волосками. Загорелые запястья. И выше кожа тоже загоревшая, а волосы на руках в свете бьющих в стекло лучей кажутся золотыми.

– Нэль, пристегнитесь, а то вдруг гаишники из-за ремней прицепятся, остановят, а у меня техосмотр просрочен, – повернулся к ней Стас. Нэль смутилась, будто пойманная за

неприличным занятием, и начала суетливо дёргать ремень. Ремень не поддавался.

– Что, заело? – понаблюдав за её вознёй Стас, потянулся, обдав Нэль горьковатым запахом хвои, дёрнул ремень, задев по груди тыльной стороной ладони, и звонко защелкнул застёжку у её левого бедра.

– Спасибо, – пробормотала Нэль и поспешно отвернулась к окну, ощущая, как по груди и бёдрам пошли волны исто-мы. Да что же это с ней такое твориться, в конце то концов! Почему она только от одного присутствия этого мальчишки размякает, как кусок пластилина на летнем солнце?

– Нэль, а вы где живёте? – вдруг спросил Стас.

– В Одинцове, – откашлялась Нэль, прогоня неожидан-ную хрипоту.

– Вас продуло? Мне окно закрыть? – встревожился Стас.

– Нет, не надо, всё хорошо, – успокоила его Нэль. – А ты откуда в Москву приехал?

– Из Владимира.

– А я из Ярославля. В Ярославле квартиру продала, остальное в кредит взяла, в Одинцове квартиру купила.

– Здорово. Нэль, вы не возражаете, если я закурю?

– Да, пожалуйста.

Теперь Нэль млела от того, как он подкуривает и как при-кусывает сигарету.

– А дорогие квартиры в Одинцове? Может, и мне там по-искать? – выпустил Стас дым в окно. – Я, кстати прикинул,

ипотеку лет на десять тыщ на двадцать уёв я спокойно потяну.

– Мне моя однушка в двадцать четыре обошлась, но сейчас она дороже примерно на треть.

– Да? А кредит на себя оформляли или на мужа?

– На себя, я не замужем, – ответила Нэль.

И попыталась понять, померещилось ей, или Стас, делая очередную затяжку, действительно посмотрел на неё с оценивающим интересом?

– Это у тебя, мать, гормон играет, – поставила ей диагноз Файка три часа спустя. За это время Нэль успела выбрать из каталогов, вываленных перед ней щедрой стопкой в рекламном агентстве, несколько видов ручек, бейсболки и футболки нужной расцветки. Сувениры с автомобильной тематикой нашлись в огромном количестве: и точилки для карандашей в виде грузовичка, легковушки и колеса, и брелки в виде серебристых машинок и автомобильчики-открывашки для пивных бутылок. Больше всего Нэль понравились голубые брелки-фанарики и машинки-антистрессы из мягкой резины. «Нужно их в руках мять, помогают снять напряжение» – объяснил Кислицын и дал ей потискать антистресс со своего стола – тот был сделан в виде шарика-снеговика. Нэль сжала в ладони упруго-податливую фигурку. Поняла, что лично её напряжение этим не снять. И срочно вызвала Файку повидаться.

Теперь подруги сидели под зонтиком в открытом кафе на

Тверском бульваре и тянули через трубочки ледяной апельсиновый сок. Дневная жара уже сходила, однако раскалённый за день город всё ещё обдавал зноем, поэтому лёгкие брызги, долетавшие от фонтанов по соседству, казались долгожданной благодатью.

– Фай, но ведь существуют примеры разновозрастных браков, когда жена старше мужа. По-моему, Лиля Брик была лет на восемь старше Маяковского, – задумчиво сказала Нэль.

– Ага, и жили они долго и счастливо, и умерли в один день, – скептически продолжила Файка. – Не на восемь, а всего на два. У этой Брик, между прочим, муж был, а Маяковский им только голову морочил. И вообще, я не поняла, ты что, уже замуж за этого Стаса собралась?

– Да нет, это я так, гипотетически... Просто он спросил про мужа, я сказала, что не замужем, и он так посмотрел... Знаешь, мне почему-то кажется, что я ему небезразлична. Он меня уже несколько раз до метро довозил, парней в комнате приучил не ругаться при мне, сегодня с рекламным агентством помог, сам помощь предложил. Понимаешь, впервые в жизни мужчина обо мне заботится! Наверное, надо ему сказать, что он мне нравится. Только я не знаю, как сказать. Научишь?

– Стоп, подруга, тормози, – прихлопнула Файка ладонью о пластиковую столешницу. – Теперь я расскажу, что с тобой происходит. Молодой, хорошо воспитанный мальчик,

помогает пожилой тётеньке. Может, ты ему маму напоминаешь? Или он по жизни такой, тимуровец. А пожилая тётенька по причине застарелого недотраха принимает порывы души юного тимуровца за признаки неземной любви и готова ответить ему взаимностью на потеху всему коллективу.

– Что, неужели всё так ужасно? – расстроилась Нэль.

– Пока нет, если ты дров не наломаешь. Нэлька, неужели ты всерьёз считаешь, что можешь увлечь мужчину, который тебе в сыновья годится?

– В пятнадцать лет не рожают.

– Некоторые рожают. Ты только представь, какие могут быть последствия! Вот представь, ты говоришь ему: «Стасик, я ваша навеки!» Он сначала офанаревает, потом делится этой новостью с друзьями, потом о вашем романе сплетничает вся контора...

– Фаина Ефимовна, это вы? Здравствуйте! – прервала Файкину речь какая-то толстуха в открытом сарафане. Его широкие бретели глубоко врезались в пухлые плечи, и избыток тела выпирал из-под них рыхлым тестом.

– Не узнаете? Я Валя, ваша соседка, у нас в Волгограде дачи были рядом. Помните меня? – радостно продолжала толстуха, не замечая, что помешала.

– Да-да, как же, Валя. Здравствуйте, – рассеянно сказала Файка, и Нэль поняла, что Валю она не вспомнила.

– Вы бы видели, как сейчас ваша дача изменилась! Деревья какие вымахали, виноградник как разросся! – щебетала

Валя. – Не жалеете, что продали?

– Нет, не жалею, – не стала уточнять Файка, что это не она продала, а первый муж. – Я в Москву переехала, некогда мне виноградником заниматься.

– Ну да, ну да, – нежданная знакомая, не дождавшись приглашения, сама уселась на свободный стул.

– А я с дочкой приехала, она у меня на юриста поступает, на курсы подготовительные записалась. А ваша Алечка где учится?

– В колледже, рекламой будет заниматься, – вежливо ответила Файка, явно тяготясь неожиданной собеседницей. Нэль помалкивала, деликатно потягивая сок через трубочку.

– Нравится тебе рекламой заниматься? – вдруг обратилась к ней тётка.

– Нравится, – удивлённо ответила та, зависая от панибратского «ты».

– Вот и умница, – похвалила Валя и опять обратилась к Файке:

– Как дочка-то ваша выросла! Повзрослела, и не узнать.

Файка разинула рот. Потом захлопнула и стала покрываться пятнами. Нэль посмотрела на подругу и фыркнула, едва успев проглотить сок.

– И на маму как похожа, одно лицо, – не унималась толстуха. Файка сердито взглянула на пунцовую от борьбы с хохотом Нэль и решительно поднялась из-за стола:

– Извините, Валя, нам уже пора. Пойдём... доченька.

Подруги уже перешли на другую сторону Тверской и отыскивали местечко на скамейках у памятника Пушкину, когда Файка, хранившая обиженное молчание, сказала:

– Вот кошёлка! Я что, выгляжу такой старухой? Мы же с тобой ровесницы!

– Файка, да не обращай ты на неё внимание! Просто ты женщина в теле, а я тощая, как подросток. Мы с Васькой одни и те же шорты носим по очереди. Вот она сослепу и решила, что я малолетка. Слушай, – вернулась Нэль к волнующей теме, – может, и Стас не воспринимает меня как тётку? Может, я все-таки нравлюсь ему как женщина? Я же чувствую, между нами будто токи бегут!

– Нэль, я не знаю, что там между вами бежит, но если ваши отношения закончатся крахом, тебе, скорее всего, придётся бежать с этой фирмы. Ты готова рискнуть зарплатой?

Нэль быстро прикинула в голове, сколько ей осталось выплачивать за квартиру, холодильник и стиральную машину, вспомнила, что нужно купить Ваське к новому учебному году, представила, как пятую зиму носит свою облезлую дублёнку, и вздохнула.

Да, Файка, совершенно права. Этой работой она рисковать не готова.

Глава 3

Здесь и сейчас

На вкус напитков был довольно мерзким. Нэль вообще не понимала этой радости – пить что-либо, крепче сухого вина. У сухого вина вкус есть и запах приятный. А у этих водок-виски-коньяков – только спирт один. Горло дерёт, в голову шибает, никакого удовольствия. Но спорить с женщиной, чудесным образом открывшим ей дверь вместо бабуся Дарьи Никодимовны, Нэль и не пыталась. Он так решительно протянул ей руку, поднимая со ступенек, так уверенно зашёл в квартиру, усадил в кухне на старый венский стул (надо же, есть ещё такие!) и так авторитетно сказал:

– Вот, выпейте. Вам обязательно нужно выпить, а то вы, чего доброго, в обморок тут у меня хлопнетесь!

что Нэль послушно взяла протянутый бокал и осушила его содержимое в два глотка. Алкоголь горячим сгустком прошёл по пищеводу, на пару минут задержался в желудке, и вот он уже жаркими волнами потёк по рукам-ногам-голове.

– Ну вот, порозовели, – неожиданный заместитель Дарьи Никодимовны сидел за столом напротив Нэль, барабанил пальцами по краю стола и наблюдал за её метаморфозами. – А теперь расскажите толком, что случилось.

– Случилось то, что я вернулась домой, а возле моей двери сидит человек. Убитый, – послушно рассказала она.

– Вы уверены, что убитый? Может, пьяный просто? – престал барабанить мужчина.

– У него голова проломлена, – устало сказала Нэль и откинулась на спинку стула, прикрыв глаза. – Можно мне какого-нибудь чаю?

– Да, конечно.

Мужчина встал из-за стола, показав неожиданный тоненький хвостик волос, оставленный возле шеи на коротко стриженном затылке. Он, не смотря на его рост, легко и бесшумно двигался по кухне, доставая из старомодного шкафчика чашку, пачку чайных пакетиков, сахарницу. Потом мужчина нажал клавишу новенького, чужеродного этой кухне электрочайника и сказал:

– Вы тут сами пока похозяйничайте, ладно? А я сбегаю, посмотрю. Где, вы говорите, труп сидит?

– На пятом этаже, возле тринадцатой квартиры. У вас есть фонарик?

– А зачем вам фонарик? – удивился мужчина.

– Это не мне, это вам. Там темно, – объяснила Нэль.

– Да? А я не знаю, есть ли у бабули фонарик...

– Тогда свечку возьмите, – предложила Нэль, заметив огарок на холодильнике. И мужчина, кивнув, взял его, прихватив заодно и спичечный коробок, оказавшийся рядом, и ушёл.

Вернулся он довольно быстро – Нэль только-только успела подивиться батарее пустых бутылок на подоконнике – ниче-

го так, гуляет сосед, сплошь «Белая лошадь» и «Хеннеси» – дожждаться, чтобы чайник вскипел, и залить кипятком чайный пакетик.

Мужчина вошёл в кухню, глядя на Нэль странным взглядом.

– Ну, что? – застыла Нэль над чашкой. Пакетик в руке истекал чайными каплями.

– Там светло, – сказал мужчина, оценивающе взглянув на Нэль, и спросил. – А это точно не вы его, того?

– Да вы что! – взмахнула руками Нэль, мужчина вздрогнул, стёр с подбородка чайные капли и сделал успокаивающий жест:

– Ладно-ладно, это я так спросил. Просто труп ваш, в смысле, гостя вашего, не сидит, а лежит. И он не труп – дышит. И со светом на площадке всё в порядке, горит.

– И что теперь делать? – мигом охрипла Нэль.

– Милицию вызывать, – пожал плечами мужчина, – и скорую. Я уже вызвал.

За два месяца до событий

«Сво-бо-ду по-пу-га-ям! Сво-бо-ду по-пу-га-ям!» Телефон верещал уже минут пять. Нэль зарылась с головой в подушки, надеясь, что некто, кому приспичило звонить ей с утра в субботу, уgomонится и даст поспать ещё с часочек. Но нет – как только первая порция требований свобододолюби-вой птицы заглохла (телефон автоматически сбросил звонки

через минуту трезвона), этот некто настойчивый позвонил опять.

– Алло, – смирилась Нэль.

– Нэлька, ты ещё спишь? Извини, если разбудила.

Ну конечно, кто ещё мог теревить её в такую – Нэль посмотрела на часы: восемь утра – рань. Только Файка.

– У тебя что-то случилось? – зевнула она в трубку.

– Случилась. Мне срочно нужна квартира. Или комната. У тебя на работе никто не сдаёт?

– Мои сами все снимают. Так что случилось-то, я не поняла?

– Я ухожу от Каткова. Всё, больше не могу, достал.

– Так, погоди, погоди, – окончательно проснулась Нэль – что значит, ты уходишь, и чем он тебя на третьем году совместной жизни достал?

– Он меня ещё раньше достал, но я всё как-то старалась приладиться. А на двоих моих стараний не хватает!

– Что значит – на двоих? – не поняла Нэль.

– К нему мама переехала, – мрачно объяснила Файка. – Её окончательно отправили на пенсию, и теперь она будет жить с нами. А так как в квартире всего две комнаты, Катков решил, что Альке пора жить отдельно. То есть, ты поняла: свою дочь я отправляю скитаться по чужим углам, а взамен получаю маму Каткова.

– Фай, подожди. Может, всё не так ужасно? Может, твоей Альке действительно уже пора жить отдельно?

– Ага, а мне пора обслуживать не только Каткова, но и его мамочку. И содержать их обоих на свою зарплату. И ещё Альке за квартиру платить, да?

– Подожди, при чём тут твоя зарплата? Катков же сам неплохо получает.

– А он пообещал мамочке квартиру купить. В новостройке, в кредит. Они сегодня пойдут в риэлтерскую компанию договариваться. Потом он будет этот кредит выплачивать, а мамочка его будет жить с нами, пока квартиру не достроят. И обслуживать я буду их обоих. И хозяйство вести на свои деньги, потому что оставшейся зарплаты Каткова не хватит. А моя дочь, когда вернётся с каникул, будет таскаться по чужим углам. И при всём при этом, заметь, я ему – гражданская жена, и его мамаша уже намекала, что такого мужа, как Катков, ещё заслужить надо... Так ты можешь мне помочь с квартирой, или нет?

– Могу, успокойся. Ирина, бывшая моя хозяйка, опять квартирантов ищет. Я хотела Стаса у неё устроить, но она теперь категорически против квартирантов-мужчин. У неё после меня квартиру студенты снимали, за два месяца там такой вертеп устроили с круглосуточной дискотекой, что соседи жаловаться начали. Так что, если хочешь, я перезвоню, узнаю. Она за свою «однушку» берёт недорого, но требует, чтобы люди были приличные.

– Мы очень приличные! – Файкин голос в трубке повеселел. – Договорись, сразу же перезвони!

Нэль дала отбой и решила поспать ещё с часочек. Всё равно раньше одиннадцати утра Ирине лучше не звонить. Однако сон улетучился полностью, и Нэль, повозившись под одеялом, стала вспоминать про Файкиных мужиков.

Если про первого и второго мужей она знала только из рассказов и по фотографиям (первый, серьёзный и перепуганный мальчишка лет двадцати, на свадебной фотографии держал под руку юную тоненькую воздушную Файку-девочку; второй, лысоватый блондин с желчным лицом, по-хозяйски обнимал за плечи улыбающуюся фигуристую Файку, очень эффектную на фоне Волги и очень яркую на фоне бесцветного кавалера), то отношения с Катковым развивались на её глазах. Нэль даже в гостях была у них, два раза. Через месяц после Файкиного переезда и через год.

После развода и размена Каткову досталась «убитая» хрущёвка в Очаково со старой облезлой мебелью, оставленной хозяевами за ненадобностью, выгоревшими засаленными обоями, лампочками на голых шнурах под потолком, выломанными розетками, облезлой ванной и пустой кухней без раковины. К моменту первого визита Нэль Файка успела вызвать мастеров и поставить раковину на кухне, на очереди была замена розеток. «Ты не представляешь, как мне надоело спотыкаться о провода и мыть посуду в ванной!» – жаловалась она Нэль. Катков же предпочитал спотыкаться о протянутые по комнатам удлинители. Единственная рабочая розетка сохранилась в углу большой комнаты, спальню с те-

левизором он себе оборудовал в маленькой, поэтому «сопля» удлинителя тянулась по диагонали через комнату и по коридору. Сам Катков в электричестве не разбирался, а вызывать мастеров, как выяснилось, не умел. «Представляешь, он даже не знает, как с ними разговаривать! Я всё объясняла и показывала, а он в комнате закрылся, дожидаясь, пока слесарь уйдёт!» – сокрушалась Файка. Так что Нэль примерно представляла, чего стоили подруге все её хлопоты: работа в агентстве, домашнее хозяйство и беготня с ремонтом и обустройством. За год Файкиной деятельности в квартире сменилась мебель, обои, появился тюль на окнах. И уже во второй визит Нэль увидела – нет, не хоромы, конечно, но и не помесь филиала соседней помойки с бомжатником. Файка сумела превратить берлогу брошенного женой Каткова в приемлемое для жизни жильё.

К слову сказать, при всём при том Файка оставалась Каткову гражданской женой без московской прописки. Тема, что они когда-нибудь поженятся, висела в воздухе, но женитьбу эту осложняло то, что у Каткова не было на руках решения о разводе и его надо было получать, прежде сделав запрос в суде. Кроме того, в квартире оказалась прописана «мёртвая душа» кого-то из прежних хозяев, поэтому Катков не мог прописать у себя Файку – по закону требовалось согласие всех прописанных в квартире жильцов. И «мёртвую душу» нужно было выписывать через суд, а Каткову было некогда этим заниматься. В общем, при всей Файкиной энер-

гии на эти обстоятельства она повлиять не могла. Они требовали личного вмешательства Каткова, а у него не хватало на них то ли времени, то ли усилий. Поэтому подруга временно успокоилась на том, что получила, и стала выстраивать свою жизнь в предложенных обстоятельствах. По углам не надо скитаться, за квартиру платить, дочка пристроена – и слава богу.

Её дочь к тому времени обосновалась в маленькой комнатке катковской квартиры, сама Файка с Катковым – в большой, и всё в их жизни пришло в определённое равновесие. У Файки даже время свободное появилось, и она даже книжки начала писать. Сказала, что её личных коллизий хватит на три книги, как минимум. Нэль каждый раз дивилась, как у Файки всё запросто выходит. Решила написать роман – и написала. За три месяца. Потом разослала его по четырём издательствам. Одно из них откликнулось через месяц, ещё через четыре вышла первая книга, теперь на очереди была вторая. Нэль пока не знала, о чём пишет Файка, та всё никак не могла ей книжку подарить: первые экземпляры утащил на работу похвастаться Катков, а за новыми нужно было ехать в издательство. Но, наверное, хорошо пишет, раз печатают.

Про маму Каткова Нэль тоже была наслышана. Очень активная дама заведовала Домом культуры в каком-то городке под Калугой. Файка как-то, ещё в начале совместной жизни с Катковым, ездила к ней в гости. Потом рассказывала, что поняла, в кого он такой неряшливый: в маму. Рассказывала,

что у той вся квартира заставлена хламом. «Ты только представь: на кухне – три старых, ламповых ещё, телевизора и два холодильника, один – нерабочий. Батарея пустых банок, гора сложенных пакетиков и какие-то пустые картонные коробки. В коридоре – ржавая детская коляска, стопки старых журналов и газет, пустые коробки. В зале – какие-то фанерные декорации по углам, опять коробки и старые газеты. Духота, пыль. А посреди комнаты – стол, за которым она устраивает званые чаепития. Представляешь? Зовёт гостей, при нас приходили, и они бочком пробираются через этот её мусор и ведут светскую беседу!» – рассказывала потом Файка. И добавляла, что каждый живёт, как ему нравится, но пусть Катков к маме сам ездит, а лично её больше в эту помойку не затащишь. Затащили, получается. Гора пришла к Магомеду.

– Мамчик, ты не спишь?

В дверях её комнаты стояла Васька, переминаясь босыми ногами.

– Васька, ты почему босая? Пол ведь холодный! – встретила Нэль. – Давай ко мне!

Она раскрыла одеяло, и Васька голенастой рыбкой нырнула в материнское тепло. Как же быстро и стремительно растёт её дочь! Вон, пижама совсем короткая стала.

– Ты почему так рано проснулась?

– Да бабушка храпит, разбудила! И живот ещё под утро разболелся, – сообщила дочь, устраиваясь поудобнее под одеялом.

– Разболелся? Что ты вчера ела? – встревожилась Нэль. Неужели мать опять скормила Ваське просроченный салат? Она же просила её не покупать ничего, что с майонезом!

– Бабушка блинчики жарила, «Мастерица», кажется, а я суп из пакетика ещё развела, – послушно перечислила Васька, и Нэль вздохнула. Надо с этим что-то делать. Пойти, на какие-нибудь кулинарные курсы записаться, что ли? Должен же хоть кто-то в этом доме уметь готовить, а то от этих полуфабрикатов у Васьки скоро гастрит случится. Мать – бог с ней, хочет сидеть на кусках, пусть сидит.

Нэль вздохнула ещё раз. И почему она у папы не научилась готовить? Он такие борщи варил! Он у них дома вообще был всем – и готовил, и чинил, и деньги зарабатывал.

Отец работал водителем-дальнобойщиком, неделю в рейсе – неделю дома. Без него дом становился неуютным и голодным – сваренный впрок борщ съедали за три дня, если раньше он не скисал, забытый матерью на плите. А потом мать кормила Нэль картошкой в мундире, сардинами из банки, подгоревшей гречневой кашей. Наверное, от этого Нэль выросла неприхотливой и равнодушной к еде. Да и потом разбаловаться было не с чего. Пока училась, сначала в МГУ, потом в аспирантуре, перебивалась той же картошкой и «супом в конверте» (вскипятить пол-литра воды, засыпать содержимое пакета, варить пятнадцать минут), не изменив своим вкусам даже во время беременности. Родив Ваську, отвезла её родителям в Ярославль, и мать даже научилась ва-

ритель каши на молоке. А Нэль, вернувшись в Москву, обходилась полуфабрикатными пельменями и соевыми котлетами. Васька только-только пошла в школу, когда отец умер – сразу, не мучаясь, от тромба, попавшего в сердце. Мать через три года продала квартиру в Ярославле и вместе с Васькой переехала к Нэль в Москву. Считалось, что пока Нэль зарабатывает им на жизнь, мать ведёт хозяйство. И та действительно вела и в первое время даже пыталась что-то стряпать, но потом махнула на стряпню рукой. А теперь, когда они поселились в Одинцове, и вовсе расслабилась: целыми днями сериалы смотрит, да книжки читает. А Ваську пичкает сомнительными «оливье» из супермаркета, иногда даже не глядя на дату выпуска.

– Так где у тебя болит? – Нэль показала на желудок, а потом на кишечник, – Здесь? Или здесь?

– Вот здесь, – Васька дотронулась до низа живота.

– А как болит?

– Как будто там в кулак всё сначала сжимается, а потом разжимается.

– Так, доча, похоже, у тебя месячные приходят, – догадалась Нэль, вспоминая, остались ли в доме прокладки, или она все извела.

– Месячные? И что мне теперь делать? – испуганно схватилась за живот Васька.

– Ничего. Походишь с прокладками три-четыре дня, ноги поддержишь в тепле, а не босиком на холодному полу, как се-

годня. На тренировке поаккуратнее, я скажу Ангелине Игоревне, чтобы не перегружала.

– И всё? – с надеждой спросила Васька.

– И всё. Иди, посмотри, может уже пора прокладку подложить, они в ванной у зеркала. И тапки обуь.

Васька умчалась из комнаты, минут на десять закрылась в ванной и вернулась к матери, осторожно переступая ногами, будто боясь расплескаться.

– Мам, у меня оттуда кровь! А вдруг за три дня вся вытечет?

– Не вытечет. Поздравляю, рыбка моя, ты стала девушкой.

– Мам, а это на три дня, и всё? – Васька со страдальчески-сосредоточенным лицом осторожно примостилась на край кровати.

– И всё, до следующего месяца, – попыталась успокоить дочь Нэль, но та неожиданно взвилась в возмущении:

– Что? Ты хочешь сказать, что у меня теперь каждый месяц будет это... эта?! Я не хочу!!!

– Ну, доченька, ну что ты. Ты же будущая женщина, а женский организм функционирует именно так.

– Лучше бы ты меня мальчишкой родила, – мрачно сказала Васька. Она опять села на кровать, подтянула колени к груди и обхватила их руками. – И когда у женщин это прекращается?

– После пятидесяти лет, у некоторых после сорока, – спокойно объяснила Нэль, удивляясь, что месячные, о которых

Васька уже имела теоретическое представление, на практике вызвали такую бурю эмоций.

– Тогда пусть и у меня прекратится после сорока. До пятидесяти я не выдержу, – мрачно сказала Васька и юркнула к матери под одеяло. – Почеши мне спинку!

Нель минут пять чесала худую дочкину спинку, проводя ногтями поверх выцветшего трикотажа старенькой пижамы. Похоже, надо в список неотложных покупок внести новую пижамку. Лучше бы мальчишкой родила... Она и ждала мальчишку, очень хотела в честь своего отца назвать. А родилась девчонка. Хотя в честь отца Нэль её все равно назвала – Василиса.

«Сво-бо-ду по-пу-га-ям!» – опять заверещал телефон.

– Ну, ты узнала про квартиру? – нетерпеливо спросила в трубку Файка.

– Нет, Фай, не звонила ещё, после одиннадцати позвоню.

– Нэлька, я прошу тебя, позвони прямо сейчас, иначе я за себя не ручаюсь!

– Эй, что там у вас происходит? – удивилась Нэль зазвевшим в голосе подруги слезам.

– Да так, ничего особенного, – зло выпалила Файка, словно продолжая с кем-то полемику. – Просто Дина Трофимовна ночевала в Алькиной комнате, успела покопаться в её вещах и почитать её дневник. Представляешь? Залезла и прочла. А за завтраком начала мне прочитанное цитировать и доказывать, что я неправильно воспитываю дочь.

– А что, цитаты настолько ужасны? – осторожно поинтересовалась Нэль.

– Да нормальные цитаты, девчонка растёт и учится выстраивать отношения с людьми. Не в этом дело! Ты понимаешь, даже я, мать, имею право читать Алькины записи только, если она мне разрешит. А тут эта старая сплетница лезет без спроса в чужие вещи, читает чужие дневники, да ещё и комментирует прочитано в полной уверенности, что имеет на это право! Ты можешь представить, что дальше будет? Да она везде начнёт свой нос совать! А я ведь терпеть не стану. И в этот раз еле сдержалась, чтобы не наговорить ей лишнего, хотя попросила даму не вмешиваться в чужую личную жизнь. И что ты думаешь? Теперь она заперлась, обиженная, в Алькиной комнате, а Катков заявил, что я должна быть повежливее с его мамой. Ты можешь себе это представить? Она лазает в Алькин дневник, а я с ней – повежливее!!! – звенела обидой Файка.

– Зато у тебя готовый сюжет для книжки есть, про злую свекровь, – постаралась утешить её Нэль. – Подожди с полчаса, я у Ирины всё выясню и перезвоню.

Нэль осторожно выбралась из-под одеяла, – Васька притихла и ровно дышала, видимо, уснула – и вышла в коридор, где возле городского телефона лежала старая записная книжка. Полистала её, отыскивая номер прежней квартирной хозяйки.

– Ирина? Здравствуйте, это Нинель, ваша бывшая квар-

тирантка. Не разбудила? Я по поводу квартиры на Кременчугской. Вы квартирантов ещё не впустили? Тогда могу вам подругу свою порекомендовать. Очень серьёзная женщина, моя ровесница, писательница. Фаина Ефимова, может, слышали? Вместе с дочерью будет жить. Дочка? Взрослая... Да, ничего такого не будет, я гарантирую. Книжку с автографом? Подарит, конечно. Да, я сказала о цене и об условиях, она согласна. Когда въезжать можно? Хоть сегодня? Прямо так сразу? Хорошо, я ей скажу. Спасибо! – обрадовалась Нэль и тут же набрала номер Файкиного домашнего телефона.

– Слушаю вас, – ответила трубка незнакомым женским голосом с царственными интонациями.

– Это квартира Каткова? – уточнила Нэль, решив, что ошиблась номером.

– Да, именно так, – согласилась женщина, и Нэль поняла, что трубку взяла мамаша Каткова.

– Фаину к телефону пригласите, пожалуйста!

– А кто её спрашивает? И по какому вопросу? – заинтересовалась мамаша.

– А вы, простите, личный секретарь Фаины Ефимовны? – вежливо спросила Нэль.

– Я? Ещё чего не хватало! – возмутилась мамаша, и трубка запипикала короткими гудками. «Бросила, что ли? – изумилась Нэль. – Ничего себе! Похоже, Файка попала по крупному и её пора спасать!»

Нэль отыскала номер Файкиного мобильного и позвонила

на него.

– Файка, это я. Только что имела счастье общаться с твоей свекровью.

– Так это ты звонила! И что?

– Просила тебя к телефону позвать, а она трубку бросила.

– Вот поганка! – выругалась Файка. – Телефон у Альки в комнате стоит, и она теперь, видимо, все звонки фильтровать собирается!

– Но у меня есть и хорошие новости, – поспешила успокоить Нэль бушевавшую подругу. – Ирина, хозяйка, готова сдать тебе квартиру, въезжать можешь хоть сегодня, она с двух до пяти будет там. Или на другое время нужно договариваться.

– Нэлька, не нужно больше договариваться! Я всё уже решила. Сейчас двенадцать, они скоро уйдут, у них в час встреча с риэлтерами, потом ещё какое-то время по Москве погуляют. Так что время до четырёх у меня есть. Я к трём часам соберусь, но машина понадобится.

– «Газель», что ли?

– Нет, я же только чемоданы повезу и компьютер. Легковушку надо будет найти. Ты не знаешь, сколько такси стоит? Как ты думаешь, в тысячу уложусь?

– Уложишься. А хочешь, я сама тебе машину найду, пока ты будешь сумки свои паковать? – предложила Нэль.

– Ой, Нэлечка, найди, пожалуйста, а то у меня сегодня всё просто из рук валится! – обрадовалась Файка.

Нэль (вот и повод позвонить!) нашла в памяти телефона номер Стаса.

– Стас, здравствуй, это Нэль. Хочешь подзаработать? Нужно мою подругу с вещами из одной квартиры в другую перевезти, из Очаково в Давыдково. Она платит тысячу рублей. Отвезёшь?

– Обижаете, Нэль, – сказал в трубке Стас, и Нэль будто увидела его насмешливый прищур.

– Мало? – удивлённо спросила она.

– Много. Я вашу, – выделил он голосом «вашу» – подругу и так отвезу, бесплатно. Где и когда встречаемся?

– В два часа на Кунцевской платформе, куда ты меня после работы подвозил.

– Замётано, в два на платформе, в водительской форме! – скаламбурил Стас. Он попрощался, а Нэль ещё с минуту улыбалась в стену, соображая, можно ли считать, что они назначили друг другу свидание.

Глава 4

Здесь и сейчас

Милиция приехала на удивление быстро. Нэль настроилась минимум на часовое сиденье в пустой кухне – мужчина ушёл присматривать за площадкой пятого этажа. Можно было бы включить телевизор, отвлечься, но ходить по квартире Нэль не решалась – если Дарья Никодимовна до сих пор чудом не проснулась, то пусть и спит пока, и без её участия голова кругом. Кругом голова шла от событий и от вопросов. Почему свет на площадке горит? Почему Стас лежит? Кто и за что его убил? Почему здесь? Почему вообще с ней это всё произошло?

Ни на один вопрос Нэль ответить себе не успела, когда услышала, как открывается входная дверь.

– Сюда, пожалуйста, проходите! – в кухню вошёл хозяин квартиры, следом за ним – молодой, не старше Стаса парень. – Присаживайтесь.

– Здравствуйте, – внимательно взглянул на Нэль парень, сел за стол, положив перед собой коричневую, на молнии, кожаную папку и спросил: – Насколько я понимаю, вы хозяйка квартиры, возле которой произошло происшествие.

– Нет, – помотала Нэль головой, – я не хозяйка. Я живу тут, пока подруга в отъезде.

– И давно живёте? – парень с лёгкой укоризной взглянул

на мужчину, мол, что же ты, уважаемый, вводишь органы в заблуждение, вжикнул молнией, достал блокнот, ручку и приготовился записывать.

– Сейчас – неделю всего, а до лета три года жила, – послушно ответила Нэль.

– Простите, не понял? – застыла ручка над блокнотом.

– Я эту квартиру три года снимала, а с июля её подруга моя снимает, а сейчас я решила здесь пожить, пока она в Египте отдыхает. А хозяйка в Израиле живёт, её племянница здесь бывает. Могу дать номер телефона.

– Теперь понятно мене-более, – почесал парень в затылке. – А могу я ваши документики посмотреть?

Нэль молча сняла свою сумку со спинки стула, порылась и протянула парню паспорт.

– Так-так, – сказал парень, – прописаны вы, значит, Нинель Васильевна, в Одинцове. И постоянно проживаете по месту прописки. Я правильно понял? Правильно. А скажите, Нинель Васильевна, когда вы обнаружили тело?

– Наверное, с час назад... А может, меньше. Я не смотрела на время.

– В мою дверь вы постучались в двенадцать ноль семь, я посмотрел, – вмешался мужчина и показал на ходики с кукушкой, висевшие над столом. – Теперь двенадцать пятьдесят девять.

– Ну, значит, в двенадцать ноль семь и обнаружила, – согласилась Нэль. – Или в двенадцать ноль шесть. Вряд ли я

долго на площадке стояла, а вниз, наверное, секунд за пятнадцать сбежала.

– Скажите, а вы не заметили на площадке каких-нибудь необычных предметов? – парень сделал заметку в блокноте. – Ну, кроме тела, конечно же.

– Нет, – вздохнула Нэль, прогоняя прочь вставшую опять перед глазами картину – безмятежное лицо Стаса с чёрным потёком в половину лба.

– Там очень темно было, я видела только то, на что светила фонариком. У меня в брелке фонарик со светодиодом, – Нэль сжала трубочку брелка, показывая, как он светит.

– Если бы я Стасу на руку не наступила, прошла бы мимо и не заметила.

– Стасу? Так вы знакомы с пострадавшим? – уставился на Нэль парень.

– Да. Это Стас Резвун, мой сослуживец. Мы вместе работаем, – объяснила Нэль, и парень обрадовано застрочил в своём блокноте.

За два месяца до событий

Нэль по третьему разу перетряхивала шкаф, соображая, что же ей всё-таки надеть. Блузки, брюки и юбку, в которых ходила в офис, она забраковала сразу же – Стас и так на них посмотрелся, да и поездка у неё не деловая. И не романтическая! – прикрикнула Нэль сама на себя, повертев в руках шёлковый трикотажный топ фисташкового цвета. Он чу-

до как подходил к её зеленоватым глазам и вместе с прямой юбкой из плотного шёлка составлял единственный её парадный наряд. И юбку, и топ Нэль купила весной на распродаже буквально за треть цены, но пока у неё не было повода покрасоваться в обновках. Ещё раз приложив к себе фисташковый шёлк, Нэль вздохнула и приказала мыслить логически. Куда она едет? Файке помогать с переездом. И как должна одеться? Соответственно. Значит, что выбирает? Джинсы и майку. Всё, решено. И она натянула любимые узкие голубые джинсы и белую майку с серо-вишнёвыми разводами на груди. Тонкий трикотаж лёг в обlipку, обрисовав форму бюста, и Нэль поняла, что угадала с нарядом. Вроде, и по-простому, но в то же время – всё, что нужно, подчёркнуто.

Когда она вышла из электрички, Стас уже ждал её, покуривая в открытое окно машины.

– Привет! – сказала Нэль, открывая дверцу и усаживаясь на переднее сиденье.

– Привет! – оглядел её Стас, явно задержав взгляд на груди. – Куда едем?

– Тут недалеко, я сейчас объясню. Надо сначала выехать на Аминьевское шоссе, а потом всё время прямо, в ту сторону, и там, слева, дом будет, длинный такой, я покажу!

Она засуетилась вдруг, объясняя. Стас вроде уже и не смотрел на неё, отвлёкся, вроде, на машину, заводя мотор и выезжая на дорогу, а ей всё чудилось, что он оценивает и грудь, обтянутую трикотажем, и бёдра, затянутые в джинсу,

и губы, смазанные розовой помадой «с эффектом влажных губ».

На Аминьевское шоссе они попали не сразу – здесь, возле станции, развязка была такая, что пришлось кружить по соседним улицам, прежде чем они попали на нужную сторону шоссе. Потом ещё немного покружили, перебираясь на ту сторону, где стоял нужный дом. Он хоть и виден был издалека, но просто так, через шоссе, к нему было не подобраться.

«Сво-бо-ду по-пу-га-ям!» – потребовал телефон, когда они уже подъезжали к подъезду.

– Что это? – озадаченно улыбнулся Стас.

– Это Файка нас заждалась, – взглянула на определившийся номер Нэль. – Тормози. Фай, мы уже приехали, сейчас поднимемся!

– Классная у тебя мелодия на мобиле! – покрутил головой Стас и тут же поправился: – ой, у вас.

– Да ладно, давай на «ты». Я не люблю, когда мне выкают, – улыбнулась Нэль, поворачиваясь к парню. Встретилась с взглядом его светло-серых глаз и, пряча смущение, стала выбираться из машины.

– Нам в этот подъезд, девятый этаж.

В те несколько минут, что кабина лифта, покряхтывая, тащила их на девятый этаж, Нэль сумела сохранить остатки самообладания, хотя от близости Стаса опять закружилась голова и стали подгибаться коленки. А когда Файка, открыв им дверь, выволокла на площадку две объёмные, туго наби-

тые сумки, туман из её головы выветрился окончательно.

– Это всё? – спросил Стас, примериваясь к сумкам.

– Нет, в квартире ещё две сумки и две коробки, с компьютером и монитором, – торопливо ответила Файка и распорядилась: – Молодой человек, вы пока тащите эти сумки вниз, положите их в багажник, потом за новыми поднимайтесь!

Распорядившись, она потащила Нэль в глубь квартиры.

– Файка, да постой же, погоди! – вырвалась та из цепких рук подруги. – Познакомься сначала, это Стас, мой сослуживец.

– Ой, Стас! Здравствуйте! А я вас за водителя такси приняла! – всплеснула руками Файка.

– Ничего страшного, я не обиделся, – дёрнул плечом Стас, подхватил сумки и стал загружать их в лифт.

– У тебя тут что, Мамай прошёл? Или ты в раж вошла, вещи собирая? – изумилась Нэль, попав в квартиру. Повсюду валялись газеты, возле дивана – особенно кучно и впере-мешку с носками. В углу крошечной прихожей с истоптанным полом стоял заваленный одеждой стул, дверки тумбы под зеркалом были распахнуты. Другая тумбочка зияла проёмом от вынутого ящика, а сам ящик лежал рядом на полу и демонстрировал своё содержимое: перемешанные в кучу медикаменты.

– Это я, Нэлечка, три дня уборкой не занималась. Газеты с носками Катков разложил, барахло на стул маман его накидала. Лекарство они вдвоём переворошили – искали для ма-

мы что-нибудь от головной боли. А эти дверки, – Файка ещё раз заглянула в тумбу под зеркалом и прикрыла дверцы, – можно и прикрыть. Так, вроде всё собрала, что нужно. Хорошо, что каникулы, и Алька учебники в библиотеку сдала. И чемодан своего барахла к отцу увезла – меньше собирать пришлось. Так, давай, ты тащи эту сумку, я возьму эту, потом за коробками с компьютером вернёмся.

Нэль потащила сумку сквозь маленький тамбур, объединявший две квартиры, и выволокла её на площадку к лифту. Посторонилась, давая место Файке, та вытянула свою сумку и побежала обратно в квартиру, тут же вернувшись в обнимку с узкой коробкой

– Придерживай, тут монитор! – пристроила она коробку поверх сумок и опять метнулась в квартиру.

– Это всё? – спросил Стас, который вышел из дверей вернувшегося лифта.

– Вот, ещё коробка с системным блоком, и всё, – ответила Файка, успевшая опять вернуться из квартиры.

– Тогда уместаемся, – кивнул Стас. – Две сумки я в багажник упихал, больше не влезет, придётся на заднее сиденье класть, но для пассажира место останется.

– Хорошо, хорошо, – согласилась Файка. – Только давайте поскорее, а? Не дай Бог Катков вернётся, у меня сил не хватит с ним объясняться.

Стас посмотрел на неё с весёлым интересом, хмыкнул и, велев Нэль подержать коробку с монитором, втащил в лифт

обе сумки, затем уложил сверху сумок обе коробки. В лифте осталось место ещё на одного пассажира, им стала Нэль. А Файка осталась делать контрольный осмотр и закрывать квартиру.

Внизу дожидалась лифта пожилая дама в солнечных очках в розовой оправе и в капроновой пляжной шляпе с розовым бантом. Она сжимала подмышкой сумочку из светлой соломки

– Безобразие! – сказала дама, брезгливо поджав морщинистые губы в яркой розовой помаде и наблюдая, как Нэль выносит на площадку коробки, чтобы дать Стасу возможность вытащить сумки. – Разве можно так долго держать лифт! Мы уже устали ждать.

– Извините, мы вещи грузили, – попыталась оправдаться Нэль, но дама сняла очки, показав подведённые бирюзовыми тенями глаза, и так на неё взглянула, что Нэль почувствовала себя школьницей, застуканной за курением в школьном туалете.

– Мамаша, вы вполне могли воспользоваться запасным вариантом, – шаркнул ножкой Стас и показал на дверь второго лифта – узкую, стальную, похожую на дверку от шкафчика.

– В ваших советах, молодой человек, я не нуждаюсь, – окатила его дама ледяным взглядом и позвала, обернувшись:

– Костик, пошли скорее, мне нужно срочно принять лекарство! У меня от этой жары голова раскалывается. Наде-

юсь, эта твоя Фаина даст мне возможность прилечь хотя бы на десять минуточек.

Вздвогнув при имени подруги, Нэль взглянула на Костика и обмерла. Возле почтовых ящиков копошился Катков, выживая оттуда газеты. Не дай Бог он её узнает! Нэль шагнула поближе к лестнице и подняла повыше коробку с монитором, стараясь прикрыть лицо. Фокус удался – Катков с мамашей вошли в лифт, дверцы закрылись.

– Стас, быстро всё тащи в машину, мигом, у нас три минуты! – скомандовала Нэль, с ужасом представляя, что начнётся, если Файка сейчас наткнётся на Костика с мамашей.

– Слушай, Нэлька, у меня уже глюки начинаются! Я голос Дины Трофимовны только что слышала, – сказала Файка, сбегая со второго этажа, и Нэль с облегчением вручила ей коробку с монитором.

– Держи, и беги к машине. Катков с мамочкой как раз в лифте к девятому этажу подъезжает, у нас две минуты, чтобы удрать.

Файка ойкнула и понеслась к выходу. Нэль, подхватив вторую коробку, с компьютером, побежала следом. Стас встретил её у машины, забрал коробку, закинул в салон, скомандовал:

– Садись сюда!

Нэль нырнула на заднее сиденье – места осталось как раз для неё.

– Поехали-поехали, скорее! – подпрыгивала Файка на пе-

реднем сидении. Стас захлопнул дверку со стороны Нэль, обежал машину, сел, и вот они уже едут вдоль длинного панельного дома.

– Дамы, вы что, квартиру почистили? – со смехом спросил Стас, поймав в зеркале возбуждённый взгляд Нэль.

– Нет, Стасик, это я от мужа ушла, – похлопала его по коленке Файка. Нэль почувствовала укол ревности и разозлилась. Этого ещё не хватало, ревновать! Она опять наткнулась в зеркале на взгляд Стаса, быстро отвела глаза и обернулась посмотреть в сторону уже далёкого подъезда. Там на дороге суестились две фигуры, женская и мужская. Подробностей было не разглядеть, но Нэль различила, что женская – в белой шляпе, а мужская – в светлой рубашке и серых брюках.

– Фай, по-моему, там твой Катков у подъезда бегают, – сказала она. – Сейчас начнёт тебя по мобильному вызывать.

– Пусть звонит, я телефон отключила, – отмахнулась Файка.

– Лишь бы этот ваш муж милицию не вызвал, – сказал Стас. – А то стуканёт, скажет номер машины, если успел срисовать, и повяжут нас, дамочки, как миленьких.

Нэль с испугом взглянула в зеркало – глаза Стаса смеялись. А Файка спросила озадаченно:

– Думаете? Нет, это вряд ли. Во-первых, ничего из его вещей я не взяла. А во-вторых, я ему записку прицепила к холодильнику и ключи на кухонном столе оставила, поймёт, что к чему.

– А почему вы драпали от него, как кавказская пленница? Просто так поговорить с ним разве нельзя было? – не унимался Стас.

– А вы что, всерьёз считаете, что я смогла бы договориться с ним и с его мамой? – вопросом на вопрос ответила Файка, а Нэль объяснила:

– Мама – это та мадам, которая нас у лифта отчитывала.

– Эта Шапокляк? – присвистнул Стас. – Тогда вопросов больше нет, я бы и сам сбежал.

До квартиры на Кременчугской они добрались минут за десять. Пятиэтажный дом из желтоватых блоков стоял в глубине двора, но подъезжать к нему было гораздо удобнее, чем к дому Каткова. Правда, лифта в доме не оказалось, и Стасу, пришлось, пыхтя, перетаскать сумки на пятый этаж вручную. Хозяйка Ирина их уже заждалась и, увидев Стаса с сумками, насторожилась:

– Нэль, ты же говорила, будет женщина с дочкой. Про мужчин разговора не было!

– Ира, это мой коллега, он вещи помогает таскать. А дочка Файкина сейчас у отца в Волгограде, приедет к началу сентября. Я вас сейчас познакомлю. Компьютер помогу занести, и познакомлю, ладно?

Познакомившись с Файкой, хозяйка успокоилась, а получив деньги и книгу с автографом, и вовсе растрогалась. Прижимая роман к груди она сокрушалась, что не может остаться поговорить с хорошим человеком – пора идти.

– Ир, да какие проблемы, заходи, когда будет время, – по-свойски пригласила Файка, и Нэль в который раз поразилась её способности так запросто сходитьсь с людьми.

– Ну, ребята, мы сегодня дали! – сказала Файка, проводив хозяйку и устало присев на кухонном диванчике. Стас сидел на табуретке у окна, а Нэль на правах человека, знакомого с местностью, хлопотала на кухне, пытаясь организовать чаепитие.

– Стас, это вам за хлопоты, – Файка щёлкнула кошельком и протянула парню тысячную купюру.

– Фаина, что вы, не надо! Я это не за деньги делал, а так, из любви... к приключениям, – сказал Стас, покосившись на Нэль.

– Да ладно, бери, тебе что, деньги лишние? – удивилась Файка, но Стас помотал головой – нет.

– Не возмёшь? Тогда отдам натурой! – решила Файка. Стас вздрогнул и уставился на неё во все глаза, а Нэль уронила чашку в раковину.

– Нэль, тут супермаркет есть поблизости? – продолжала Файка.

– Да, «Перекрёсток».

– Отлично. Стас, бери эту тысячу и, не в службу, а в дружбу, сгоняйте с Нэлькой в супермаркет. Возьмите там чего-нибудь пожевать, и вина хорошего, будем праздновать начало моей новой жизни!

Празднование удалось на славу. Файка, взбудораженная

побегом, налила вина себе и остальным и щедро призывала закусывать «чем бог послал». Бог послал им нарезку, курицу-гриль, маринованных овощей, маслин и три вида салатов в коробочках. Ещё был сок и вино. Вино оказалось креплённым, – Стас купил, а Нэль не проследила. Стас к моменту их застолья совершенно освоился и довольно активно подливал вина и себе, и подругам, то и дело «освежая» налитое. Женщины на каждый тост отпивали по глоточку, Стас – по полчаши – фужеров в квартире не осталось, видимо, студенты их переколотили. Так что очень скоро парень заклевал носом, и подруги решили оставить его ночевать на кухонном диванчике. Нэль показала, как диванчик раздвинуть, принесла из комнаты подушку и покрывальце – когда-то сама его покупала в стоке, потом оставила в квартире, надо же, прижилось. Стаса уложили, остатки вина и закуску утащили в комнату. И уже там, потягивая мелкими глотками очередную порцию вина из чашки, Файка сказала:

– Слушай, а я теперь понимаю, почему ты в этого Стасика втрескалась. Он очень обаятельный. И – мужик. Не мальчик, а мужчина. И с чего ты решила, что ему двадцать пять?

– Н-не знаю, – запнулась, отвечая, Нэль. Креплёное вино подействовало на неё удивительным образом: в ногах слабость, язык не очень слушается, а голова ясная-ясная. – Мальчики в отделе, как я поняла, всего два года как после института. Ну, я и подсчитала, что им по двадцать пять.

– Нет, Стас явно постарше. И от него такая уверенность

исходит, такие, знаешь, флюиды. Не удивительно, что тебя от него колбасит. Я и то слегка прибалдела, – мечтательно сказала Файка.

– Но-но-но, полегче, – погрозила Нэль пальцем и икнула. – Ой!

– Да ладно тебе, не ревнуй! – рассмеялась Файка и затормошила подругу. – Нэлька, какая ты молодец, что выручила меня! Ты не представляешь, как мне сейчас хорошо! Я будто груз с себя сбросила! Как представляю: ни Каткова, ни газет его с носками, ни этих бесконечных стояний у плиты, ни мамаши его кошмарной в жизни моей теперь не будет, – петь хочется!

– Пой, – разрешила Нэль.

– Это я утром спою. Слушай, время десять вечера всего, но мне так спать хочется! Я же эту ночь очень плохо спала, всё переживала из-за явления мамаши. Я завалюсь, с твоего позволения. А ты, если хочешь, вон, на кресле спи, – показала Файка на разложенное кресло-кровать. – Или домой поедешь?

– Не, не поеду, поздно уже, электрички плохо ходят, – зачем-то приврала Нэль, на самом деле опасаясь оставлять Файку наедине с Вадимом. – Да и пьяненькая я, куда мне домой в таком виде, мои испугаются. Я у тебя останусь, завтра с утра уеду. Сейчас Ваську предупрежу, чтобы не ждали.

Нэль позвонила дочери, сняла джинсы, завернулась в Алькин халат, – Файка выдала, распотрошив одну из сумок – и

очень быстро уснула, покачиваясь на хмельных волнах.

Проснулась Нэль довольно скоро, по её ощущениям, спала она меньше часа. Разбудил её мочевого пузыря – выпитое вино просилось наружу. Вставать было лень – сон не отпускал, и Нэль попыталась полежать ещё немножечко, досмотреть то приятное, что ей приснилось – что-то про неё и про Стаса. Однако организм настаивал на своём, и Нэль осторожно встала с кресла, стараясь не потревожить свистевшую носом Файку. Прошмыгнула по коридору в туалет, а потом – ванную. Во рту пересохло, но идти в кухню, где спал Стас, Нэль не решилась. В ванной она придирчиво осмотрела себя в зеркале, – глаза припухли, а так ничего – поплескала в лицо прохладной водичкой, прополоскала рот, подумала и, подставив под струю ладошку, нагнулась и стала пить из-под крана.

– Нэль, разве в Москве можно пить из-под крана? Тут же вода, говорят плохая! – услышала Нэль и резко обернулась. Стас стоял в проёме двери и смотрел на неё в упор.

– Я пить захотела, а ты на кухне спишь, – залепетала Нэль, теряясь под его взглядом.

– Сплю, – согласился Стас. – И сплю один.

Он сделал шаг, сразу оказавшись возле Нэль, взял её за плечи и сказал:

– Знаешь, что мне снилось?

– Нет... – выдохнула она, заранее готовая к тому, что сейчас произойдёт и поднимая к нему лицо.

– Очень хороший сон. В нём мы с тобой занимались любовью. Вот так!

Стас придержал пальцем её подбородок и начал целовать долгим поцелуем. Поцелуй был немного слюнявым, но Нэль, ошарашенная внезапной близостью мужчины, его запахом, этого не замечала. Она и после едва заметила, как оказалась на диванчике в распахнутом халате. Единственное, что она чувствовала – Стаса рядом с собой, над собой, в себе. А потом – сладкие волны из собственных глубин, которые вдруг накатили и стали сотрясать её крупной дрожью.

– Что это? – простонала Нэль.

– Это оргазм, детка, – скатился с неё Стас и сел на краю диванчика, восстанавливая дыхание. – Слушай, Нэль, я подозревал, что ты горячая штучка. Но чтобы такая! Не зря говорят, что женщина как вино – с годами только лучше.

«Замолчи, пожалуйста!» мысленно попросила Нэль. Слова Стаса отчего-то её коробили, но как сказать ему об этом впрямую она не знала. А Стас поднялся с дивана и начал ходить по кухне: взял чашку, налил воды из чайника, выпил.

– Ну, как тебе, понравилось? – спросил он, глядя на Нэль от стола.

– Да, – сказала Нэль и поплотнее закуталась в покрывало. И прислушалась к собственным ощущениям. Понравилось ли ей? Наверное, да. Вот только если бы Стас лежал бы рядом, а не бегал по кухне, она бы не чувствовала себя... использованной, что ли.

– И что дальше? Что теперь будет? – спросила она то ли себя, то ли Стаса.

– Любовь у нас с тобой будет! – ответил Стас. – Я же знаю, что нравлюсь тебе, я слышал, как вы с Фаиной об этом говорили.

– Ты подслушивал! – вспыхнула Нэль.

– Не подслушивал, а слышал. Вы орали на всю квартиру. Нэль, ты тоже мне очень нравишься, правда.

– А сколько тебе лет? – вспомнила Нэль

– Двадцать семь, а что?

– Я старше тебя на тринадцать лет.

– Ну и кого это волнует? – подсел к ней Стас. – Лично меня это только заводит.

И он стал выпутывать Нэль из кокона покрывала.

Глава 5

Здесь и сейчас

На стене затрещало, заскрежетало, закашляло. Нэль вскинула голову и успела увидеть, как птичья фигурка нырнула обратно за створки дверей.

– Часы прокуковали, час ночи уже, – объяснил мужчину встревоженному парню, который бросил свою писанину и ошеломлённо тараторил на антикварные ходики.

– Странная у вас кукушка, не кукует, а кашляет!

– Сквозняки, простыла! – улыбнулся мужчина.

Парень улыбку не принял, насупился, и мужчина пояснил:

– Старые уже часы, вот и издают всякие звуки.

– Кстати о звуках! – поднял ручку парень. – Вы слышали какие-нибудь звуки в районе полуночи? Крики, топот, выстрелы?

– Криков и выстрелов не было. Я сначала слышал, как женщина прошла, каблуки громко цокали, потом цоканье затихло, а минут через пять-семь Нинель постучалась ко мне в дверь.

– Я не стучалась, я оступилась, говорю же! У меня каблук сломался, – Нэль порылась в сумке и показала парню отломанный каблук. – Вот!

– Металлические, – потыкал парень ручкой в набойку. – Значит, это ваш цокот слышал сосед? Кстати, как ваше имя?

– Моё? – переспросил мужчина – Никодим. Никодим Николаевич Пыриков.

Нинель вздрогнула и вытаращилась на Никодима Пырикова, а парень, сверившись с записями в блокноте, хмыкнул и спросил:

– Так вы с Нинель Васильевной родственники, получается?

– Почему родственники? – не понял Никодим.

– Потому что моя фамилия тоже Пырикова, – ошарашено объяснила Нэль, и Никодим удивлённо покрутил головой.

– Надо же! Никогда не думал, что у меня могут быть однофамильцы.

– Значит так, граждане однофамильцы, – парень захлопнул свой блокнот, достал из папочки две бумажки и начал писать в них. – Выписываю вам на завтра повестки к следователю. Придёте к нам в Кунцеский райотдел, вы, Нинель Васильевна, к одиннадцати ноль-ноль, вы, Никодим Николаевич, к десяти-тридцати. К следователю Ивашову.

**

За месяц до событий

Бумажный стаканчик чуть было не выскользнул из пальцев, кофе плюхнулся коричневой кляксой на пол, слегка забрызгав носки туфель.

– Стас, ну что ты вытворяешь! – обернулась к Стасу Нэль. – Ну что за поцелуи из-за угла! Я чуть кофе не облилась!

– Очень жаль, что не облилась! Я бы слизал каждую каплю с твоей груди! – Стас выскользнул из-за её спины, отобрал у Нэль стаканчик с остатками кофе и поставил его, привстав на цыпочки, сверху на автомат. Потом сгрёб Нэль в охапку, ещё раз поцеловал в шею – теперь не сзади, а сбоку, под скулой – и сказал на ухо, щекоча висок дыханием:

– Я так по тебе соскучился, что готов наброситься прямо здесь!

– С ума сошёл! Нас ведь застукают! – вяло запротестовала Нэль, а Стас уже трогал быстрыми влажными поцелуями одну ключицу, другую, начало ложбинки между грудей. Нэль почувствовала, что ноги становятся ватными, и вцепилась в плечи мужчины, боясь упасть. Как-то отстранённо подумала, что всё-таки зря она влезла в туфли на шпильке – мало того, что ни ходить, ни стоять толком невозможно, так ещё и Стас до губ, пхоже, не дотягивается – всё в шею да в грудь целует.

– Стас, перестань! Я упаду!

Она смогла, наконец, вывернуться из его рук и переводила дыхание у кофейного автомата, достав свой стаканчик и пытаясь прояснить остатками кофе дурман в голове.

– Нэлечка, ты уже неделю меня не радовала! Я не могу уже терпеть, как пацан, сны вижу эротические!

Стас качнулся к Нэль, остановился, наткнувшись на её ладонь, и сказал жалобно:

– Ну попроси ключи у своей Фаины, а?

– К Файке уже нельзя, дочка вернулась, – вздохнула Нэль.

С согласия Файки квартирка на Кременчугской здорово их выручала весь август.

Подруга, надо отдать ей должное, сразу смекнула, что у Нэль со Стасом рыльце в пушку, хотя и проснулись они после их первой ночи порознь. Диванчик на кухне был слишком узок, чтобы спать вместе, да Нэль и не собиралась спать вдвоём – после второго приступа желания ей почему-то стало неприятно находиться рядом со Стасом. Каким-то он ей показался чужим. И даже запах его был чужим – к знакомому парфюму добавился привкус пота, и Нэль мерещилось, что пахнет зверинцем. Этой весной Васька затащила её в зоопарк и застряла возле барсучьей клетки, пытаясь рассмотреть зверя. Барсук так и не показался – спал где-то в глубине своего загона. А Васька всё пыталась его увидеть и держала мать возле клетки, откуда доносился резкий запахок. Что-то похожее издавал и вспотевший от секса Стас. И Нэль с облегчением сбежала на своё кресло, что-то пробормотав про Файку и про «неловко». Впрочем, Стас её и не удерживал – кажется, его храп она услышала раньше, чем дошла до комнаты.

Так что наутро Нэль проснулась одна, но Файка, внимательно посмотрев на припухшие губы подруги и углядев слабый засос на шее, тутже спросила:

- Согрешила-таки с нашим мальчиком, да?
- Да! – не стала отпираться Нэль, а Файка добавила:
- Надеюсь, оно того стоило. Возьми вторые ключи.

– Зачем? – не поняла Нэль.

– А где ты с твоим Ромео встречаться собираешься? У себя в Одинцове или в квартире, которую он с кем-то там снимает? Сколько их там, в квартирке-то?

– Много, кажется, – улыбнулась благодарно Нэль. Действительно, ни к ней нельзя – дома мама и Васька, ни к нему – она не настолько потеряла голову, чтобы идти, по сути, в мужское общежитие. Гостиницу снимать? А деньги откуда?

– Можете днём заскакивать, пока я на работе. Вам тут близко, а начальству наврёте что-нибудь, – учила Файка, и Нэль – барсучий запах Стаса за ночь забылся, а сладостные волны оргазма помнились – засмеялась счастливо.

Потом счастье ненадолго померкло – Стас, проснувшись, вдруг поспешно засобиравшись домой, и Нэль показалось, что он тяготится прошедшей ночью. Но Файкины ключи она всё-таки взяла, и правильно сделала. Уже завтра, в понедельник, Стас встретил её на платформе, и они целовались в его машине, а днём, прихватив ещё час к обеденному перерыву, смогли удрать из офиса в квартиру на Кременчугской.

Нэль переживала их роман со всем нерастраченным пылом, скопившемся в ней за почти тринадцать лет «холостяцкой» жизни. Иногда ей казалась – это не она старше Стаса на много лет, это он – зрелый мужчина. А она – пугливая девчонка, открывающая для себя прелесть сексуальных утех. Иногда постельные просьбы Стаса её коробили, но он так шептал: «Пуританка ты моя. Весталочка», – что Нэль пере-

ставала стесняться и шла за ним туда, куда он готов был её увлечь. Одно за другим рушились её интимные табу, но одно правило она требовала соблюдать неукоснительно: на работе никто не должен знать об их романе. Стас согласился и на людях даже стал называть её Нинель Васильевна. Неожиданно эта конспирация стала ещё одной сексуальной игрой – вынужденная дистанция настолько распаляла обоих, что они зачастили на «встречи с клиентами» и на «согласования с рекламным агентством».

Однако две недели назад лафа закончилась – в Москву вернулась Файкина дочь Алька. Расписание занятий в её колледже было довольно хаотичным, дома она могла появиться в любое непредсказуемое время. Да и вторые ключи ей понадобились. Таким образом квартирка оказалась для них закрыта, и началась пора воздержания. Нэль, которая, оказывается, подсела на секс со Стасом как на наркотик, воздерживалась с трудом. Она даже раздражаться стала по пустякам, даже с матерью поругалась, отчитав её за нежелание приготовить хоть какой-нибудь ужин. Мать, разумеется, надулась, перестала делать и то немного, что делала, и неделю отказывалась с ней разговаривать. Так что хлопоты с домашним хозяйством Нэль пришлось делить с Васькой.

К концу первой недели вынужденного воздержания Стас уговорил Нэль заняться сексом в машине. Он загнал свой «жигулёнок» в какие-то дебри Филёвского парка, и Нэль немного остудила свою любовную горячку. Хотя не то это

было, совсем не то. Секс в машине был похож на кислый индийский растворимый кофе вместо чашечки крепкого турецкого. Вроде и цвет такой же, и запах есть – а бурда-бурдой. Так и у них – вроде и слова были, и поцелуи, но страх Нэль, что на них наткнётся какой-нибудь ретивый собачник превратили долгожданное пиршество плоти в судорожный и нервный перепах. Так что теперь крутили они свой роман вот такими урывками.

– Нэльчик, ещё неделю без тебя – и я за себя не ручаюсь, – продолжал тем временем Стас. – Мне и так уже холодный душ требуется! Может, вечером кататься поедом, а? В парк?

Нэль отрицательно помотала головой:

– Нет, не получится. Сегодня у Васьки день рождения, мне нужно домой пораньше.

– Слушай, а хочешь, я тебя отвезу? – оживился Стас. – Хочешь? Прямо к подъезду.

– Отвези. Очень кстати, я как раз хотела в супермаркете что-нибудь к столу купить, возле станции и купим! – обрадовалась Нэль.

– А сэкономленное в дороге время мы потратим по уму, – опять задышал ей в ухо Стас, сгребая Нэль в охапку и прижимая к себе.

– Стас, да прекрати же! – вывернулась женщина, роняя пустой стаканчик из-под кофе. И вовремя.

– Вы тут что, курите? – Светлана, менеджер по персоналу, вышла из-за угла коридора и принялась. Автомат сто-

ял в глухом аппендиксе-ответвлении возле запасного выхода и кое-кто из менеджеров действительно совмещал кофе с сигаретой. Что было строжайше запрещено.

– Нет, Света, что ты, мы тут кофе пьём! – заулыбался ей Стас, и та, посмотрев на шарахнувшуюся от Стаса и начавшую краснеть Нэль, показала на валявшийся стаканчик.

– Из одного стакана, что ли? Ну-ну.

– Как ты думаешь, Светлана что-нибудь заподозрила? – спросила Нэль спустя три часа, когда они со Стасом уже побывали в супермаркете, где Нэль купила роскошный торт со сливками и вишней и жёлтого зайца с мягкими ушами, и теперь ехали в Одинцово.

– Да вряд ли. Хотя, даже если и заподозрила, что с того? – безмятежно глянул на неё Стас и опять стал следить за дорогой, высматривая что-то на обочине среди пожелтевших деревьев.

– Ну, не знаю. Вдруг скажет Ивану с Германом, они подумают что-нибудь такое, – переживала Нэль, вспоминая ироническое «ну-ну» Светланы.

– Да ладно тебе, будь проще! – посоветовал Стас. – Мы с тобой взрослые люди, я не женат, ты не замужем. И всё, что между нами происходит – наше личное дело. Светлана же спит с Иваном – и ничего.

– Что значит – ничего? Они муж и жена! – удивилась Нэль.

– Так давай и мы поженимся, – просто сказал Стас и, увидев съезд в стене придорожного леса, повернул туда.

– Ну, как, выйдешь за меня замуж? – спросил он, остановив машину метрах в ста от дороги, загнав её в заросли лещины.

– Ты серьёзно? Я же старше тебя на тринадцать лет! – всё ещё не верила своим ушам Нэль.

– Ну и что? Так даже лучше – ты самая классная тётка из всех, что у меня были.

«А сколько их у тебя было?» – хотела спросить Нэль, но Стас уже притянул её к себе и шарил нетерпеливыми жадными руками, расстёгивая пуговицы плаща и пуговики блузки.

На этот раз секс получился – Нэль не боялась случайных свидетелей, она просто о них не думала. Она вообще ни о чём не думала – сознание на какое-то время переместилось в низ живота. Однако когда всё закончилось и Стас, выруливая обратно на шоссе, спросил:

– Ну что, можно считать, что ты сказала «да»?

Нэль почему-то испугалась. Слишком вид был у него... самодовольный, что ли. И слишком по-хозяйски он положил руку ей на колено, будто заявляя «Моё!».

Однажды в её жизни уже было это «Моё!» – Олег, с которым она познакомилась в читальном зале МГУ, так решил через два месяца их отношений. А решив, начал переделывать Нэль под себя – учить поступать, как он считает правильным и критиковать за любые несогласованные с ним действия. Поначалу Нэль принимала это как должное – если уж на неё, дурнушку, из-за своей неказистости оставшу-

юся девственницей до двадцати семи лет, обратил внимание этот сильный, умный, талантливый парень, то, наверное, ему лучше знать, как должна выглядеть его идеальная спутница. К идеалу Нэль тянулась ещё пару месяцев, а потом как-то вдруг почувствовала себя заготовкой. Поленом, из которого Олег стругает какого-то Буратино. Просто берёт, и режет по живому.

Становиться Буратино ей уже не хотелось, и Нэль даже попыталась объяснить это Олегу. В ответ услышала «Не будь дурой. Я лучше тебя знаю, что для тебя лучше». К тому времени Нэль уже не была уверена, что он это знает. Поучения и нотации Олега раздражали всё сильнее, и она, устроив бунт на корабле, разорвала с ним всяческие отношения. Олег этого не ожидал и удивился. А когда через две недели выяснилось, что Нэль беременна, он даже великодушно предложил вернуться – мол, я всё простил, а ты, уверен, осознала. Нэль не вернулась, родила Ваську и с тех пор пробивалась по жизни, сама решая, что для неё лучше и как она должна поступать.

– Знаешь, Стас, я пока ещё ничего не сказала. Не обижайся, но замужество для меня слишком серьёзный шаг, мне нужно подумать. Не обижайся, ладно? – попросила она.

– А чего тут обижаться! – Стас убрал руку с колена Нэль и стиснул «баранку». – Если ты не уверена во мне...

– Всё-таки обиделся, – вздохнула Нэль. – Я не в тебе, я в себе не уверена. Я ведь холостячка, у меня дочь, мама. Если

замуж соберусь, жизнь изменится у нас у всех. Я пока не поняла, хочу ли я этого. Кроме того, где мы будем жить?

– У тебя. Ты же говорила, что у тебя отдельная комната, – повернулся к ней Стас.

– Да, говорила, – улыбнулась Нэль и предложила – а хочешь в гости ко мне зайти? Посмотришь на мою отдельную комнату. Я тебя с мамой и Васькой познакомлю!

– Прямо сейчас? Хочу! – решил Стас. – А почему ты дочку Васькой зовёшь?

– Потому что она Василиса.

– Понял. А мамашу как величать?

– Революна Фёдоровна.

– Нэль, а почему у вас имена такие чудные: Нинэль, Революна?

– Потому что мой дед, мамин отец, был рьяным сторонником революции и назвал свою дочь в её честь. Революна – это от «революции».

– Хорошо, что не Доздраперма! – хохотнул Стас.

– Да. А меня он назвал Нинель – это «Ленин» задом наперёд.

– Вот так зовёшь женщину замуж и не подозреваешь, что она – Ленин задом наперёд! – опять развеселился Стас. – А почему же твои родители не сопротивлялись?

– Да им понравилось. А я вот своё имя ненавижу, лучше бы меня Акулиной назвали, честное слово, – пожаловалась Нэль, нажимая кнопки на мобильнике. Дозвонившись, ска-

зала в трубку:

– Алло, Васюш, это я. Я уже близко, скоро буду. Доча, я не одна еду, у нас гость будет, ты бабушке скажи. Мой коллега, сослуживец. Он меня предложил подвезти, и я решила, что должна пригласить его в гости. Ну, так убери, мы будем минут через двадцать. Всё, целую, не сердись.

В Одинцове они оказались через пятнадцать минут. Ещё минут десять кружили по городу – дом стоял неподалёку от железнодорожной станции, а вот от автотрассы расстояние оказалось изрядным. В итоге первое, что услышала Нэль, открыв дверь своей квартиры, было:

– Мама, ты сказала – через двадцать минут, а прошло двадцать семь!

Васька стояла в коридоре, хмуро уставившись на мать и её спутника.

– Привет, подруга! Давай знакомиться, я Стас! Давай лапу! – перехватил инициативу Стас, протягивая Ваське руку.

– Мужчины женщинам руку первыми не подают, – Васька спрятала обе руки в карманы своего джинсового комбинезона и смотрела исподлобья.

– Василиса, перестань! – одёрнула её Нэль. – Человек в гости к тебе пришёл, на день рождения, а ты так себя ведёшь!

– Ко мне на день рождения? А где тогда подарок?

– Подарок? – Стас растерянно взглянул на Нэль, и та сунула ему в руку пакет с жёлтым зайцем. Он протянул его девчонке:

– Вот, поздравляю!

– Спасибо, – сказала Васька. Вытащила из пакета зайца за мягкие уши и спросила скептически:

– А вы хоть знаете, сколько мне лет исполнилось?

– Тринадцать? – попытался угадать Стас.

– Двенадцать. И я уже лет шесть не играю в куклы! Придётся передарить какой-нибудь малышне.

Васька демонстративно разжала кулак – заяц плюхнулся обратно в пакет – и поставила подарок у стенки. А Стас, пытаясь найти верный тон, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.